

ЕЛЕНА
МИХАЛКОВА

Мертвый кролик, живой кролик

Новый настоящий детектив Елены Михалковой

Елена Михалкова

Мертвый кролик, живой кролик

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

Михалкова Е. И.

Мертвый кролик, живой кролик / Е. И. Михалкова —
«Издательство АСТ», 2023 — (Новый настоящий детектив Елены
Михалковой)

ISBN 978-5-17-156147-5

Самый громкий провал Илюшина: преступление, которое не было раскрыто, пропавшая женщина, которая не была найдена, тайна, оставшаяся неразгаданной. Десять лет спустя они возвращаются снова. Преступление. Женщина. Тайна. Читайте в новом детективе Елены Михалковой «Мертвый кролик, живой кролик».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-156147-5

© Михалкова Е. И., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	32
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Елена Михалкова

Мертвый кролик, живой кролик

© Е. Михалкова, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

Встреча была назначена на утро понедельника.

В половине девятого Сергей Бабкин поднялся пешком на двадцать пятый этаж жилого дома и остановился перед металлической дверью.

Ключ у него был свой. Прежде чем открыть, Сергей хотел отдышаться. Но дверь распахнулась, и Макар Илюшин, ждавший на пороге в пижаме и тапочках, широко ухмыльнулся.

– Это так трогательно, – сочувственно сказал он. – Вот эта твоя уверенность, что ты сможешь тихо отдохнуть на площадке. Я тебя из кухни слышал. Хрипишь как лошадь в агонии.

– Ты меня видел в окно. – Бабкин отодвинул напарника и вошел в квартиру. – Кто назначает встречи в такую рань? Даже кофе выпить не успел...

Засыпая зерна в машину, Сергей слышал, как Илюшин насвистывает в спальне. Вскоре Макар вышел в брюках и голубом джемпере.

– Ты прямо щеголем сегодня, – заметил Сергей. – Знаешь клиентку?

– Некая Нина Ратманская. Возглавляет благотворительный фонд «Примула». Имя мне ничего не говорит.

– Что у нее стряслось?

– Не знаю. Написала, что обсудит свое дело при встрече. Созваниваться тоже не захотела. Чрезвычайно таинственная дама.

Илюшин вынул из рук Бабкина чашку и вышел, отпивая на ходу.

«Ну и правильно, – мрачно подумал Сергей, провожая свой кофе взглядом. – Ключом щелкать не надо».

Он сделал вторую порцию покрепче, но взбодриться ему так и не удалось. Бабкин зевал, слушая болтовню Илюшина, и думал, что по закону подлости клиентка окажется вздорной дамочкой, подозревающей мужа или любовника в измене... В прошлом месяце к ним обратились две такие дурынды, и обе были глубоко оскорблены отказом Илюшина.

Сейчас придет третья. Макар ее спровадит, и тогда Бабкин сможет вернуться домой и нормально доспать.

Он даже приободрился. Когда ровно в девять прозвенел дверной звонок, Сергей вышел встретить клиентку в радостном предвкушении скорого отдыха.

Бежевое пальто, светлые волосы. Неяркое лицо с правильными чертами; когда она ставила на тумбочку свой потертый, местами облезлый портфель (Сергей догадался, что потеряемость – это имитация, а сама вещь новая и безусловно дорогая), он обратил внимание на руки: узкие, с длинными пальцами. Замшевая юбка сливочного оттенка и молочно-бежевый кашемировый свитер высветляли ее, делая похожей на моль. Она не испугалась при виде Бабкина – возможно, была предупреждена, но это тоже сыграло в ее пользу.

– Здравствуйте. Мне... назначено.

Мягкий голос с отчетливой хрипотцой. Она едва доходила ему до плеча.

– Проходите, пожалуйста. Макар Андреевич вас ждет.

Каблуки негромко простучали по паркету. Ее духи были как тихий цветочный шепот.

Он зашел за ней следом в гостиную. Илюшин поднялся навстречу гостье, поздоровался. Ратманская остановилась, словно не ожидала увидеть именно его. Она почему-то молчала, и Бабкин спросил:

– Нина, хотите кофе? Чай?

Ратманская, не отрывая взгляда от Илюшина, покачала головой.

– А я бы выпил чая, – спокойно сказал Макар. – Сережа, сделай мне черный, пожалуйста.

– Тогда и мне, – согласилась Ратманская. – Тоже черный, без сахара, спасибо большое...

При звуках ее голоса Макар нахмурился, взгляд его скользнул в сторону, будто Илюшин пытался что-то вспомнить. Он вздрогнул и уставился на Ратманскую с недоверчивым изумлением.

Бабкин твердо знал, что рано или поздно его напарника придут убивать. Он не видел, что у женщины в руках, поэтому быстро шагнул вперед, чтобы оказаться на линии огня между ней и Макаром.

Оружия у Нины не было. Она стояла неподвижно, словно решая, остаться или уйти.

Бабкин обернулся к Илюшину. Все с тем же ошеломленным выражением лица Макар обогнул стол, не отрывая взгляда от Ратманской.

– Не думала, что это случится так быстро, – неловко усмехнувшись, сказала Нина. – Отец был прав. У вас феноменальное чутье.

Илюшин обошел ее кругом, рассматривая, как скульптуру.

– Отличная работа, – выговорил он наконец. – Если бы не голос, я бы вас никогда не опознал.

– Мне предлагали операцию на голосовых связках. Я отказалась.

– Имя вы тоже оставили.

– Мама очень его любила. – Она развела руками, будто извиняясь.

– Так, что здесь происходит? – вмешался Бабкин. – Встреча старых друзей?

Нина отрицательно покачала головой:

– Мы никогда не виделись. Я даже не понимаю, как Макару Андреевичу удалось по нескольким словам...

– Ваши домашние видеозаписи, – сухо отозвался Илюшин, возвращаясь за стол. – Я изучал их довольно пристально.

Нина наконец села на предложенный стул. Они с Илюшиным смотрели друг на друга: он – хмуро, она – виновато.

– Чай потерял актуальность, – пробормотал Сергей и с нажимом добавил: – Может, *кто-нибудь* объяснит мне, в чем дело?

Илюшин сцепил пальцы на затылке, не сводя глаз с Ратманской, и покачался в кресле.

– Познакомься, Сережа. Перед тобой Нина Забелина.

Бабкин не помнил среди клиентов никого с таким именем и не понимал, почему он должен знать Нину Забелину. Он уже собирался вывести Илюшина из комнаты и спросить, какого черта тот задает ему загадки... Как вдруг осознал, о чем говорит Макар.

– Нина Забелина? – переспросил он с чувством, близким к ужасу.

«Забелина погибла», – едва не вырвалось у него.

Нина исчезла в две тысячи девятом. Тридцать пять лет; счастливый брак; двое мальчиков-близнецов. По утрам Забелина отводила малышей в детский сад и ехала на маршрутке до работы. Вечером забирала их.

Пятнадцатого октября она, как всегда, отвела детей в группу, дождалась маршрутного такси и вышла на своей остановке. Водитель уверенно опознал ее по фотографии.

До офиса, от которого ее отделяло триста метров, Нина не добралась. Она вошла в сквер, заросший старыми липами, и исчезла бесследно.

К Илюшину обратился следователь, который вел дело. Они с Макаром были давно знакомы, и он попросил сыщика о консультации. Илюшин начал изучать обстоятельства исчезновения Забелиной – и неожиданно даже для себя завяз в расследовании. Дело, которое они вели вдвоем с Бабкиным, Сергей заканчивал сам. Макар позабыл обо всем, пытаясь раскрыть тайну исчезновения Нины Забелиной.

Он работал безвозмездно, на одном только жадном интересе. Семья пропавшей была небогата – им нечем было заплатить частному детективу.

Два месяца подряд Илюшин засыпал с мыслью о Нине Забелиной и просыпался с мыслью о ней же.

Он изучил каждый метр ее маршрута. Опросил всех свидетелей. Определил точку, в которой Забелину видели последний раз: за двадцать метров до выхода из сквера.

Было достоверно установлено, что в офисное здание она не входила. Здание и сквер разделяла неширокая тихая дорога. Камера на подъезде захватывала и вход, и дорогу почти целиком – вне зоны видимости оставалась лишь обочина. Ни одна машина не притормозила возле сквера, когда Нина шла между пожелтевшими липами.

Нина Забелина жила обычной, ничем не примечательной жизнью. Работала судебным юристом, растила детей. Сначала заподозрили, что ее исчезновение связано с профессиональной деятельностью. Но, изучив дела, которые она вела, отказались от этой версии. Это были типичные гражданские тяжбы из тех, что длятся годами.

Нина вышла замуж за Юрия Забелина, когда ей было двадцать. Родила в две тысячи пятом после нескольких процедур экстракорпорального оплодотворения, в тридцать один год. Ее муж не бил и не бил жену. Соседи дружно говорили, что никогда не слышали ссор между ними. С хозяйством Нине помогала мать Юрия, живущая этажом выше. И у нее, и у ее сына было неопровержимое алиби.

В центре сквера была разбита большая клумба. В тот день сотрудники коммунальных служб готовили ее к зиме. Илюшин встретился со старшим смены. Тот помнил женщину в длинном синем плаще, которая прошла мимо них. Нет, ее никто не сопровождал. Нет, она ни с кем не заговаривала. Куда она скрылась, он не видел: ему нужно было приглядывать за рабочими.

У следствия осталась одна версия: по какой-то причине, не дойдя до конца своего маршрута, Нина свернула в сторону и вышла к дороге в другом месте. Правда, служебная собака не взяла след, а свидетели утверждали, что не видели людей в дальней части сквера. Но другого объяснения попросту не существовало.

Зачем Нина свернула? К кому она могла сесть в машину, если у нее не было любовника? Алиби мужа подтверждалось пятью свидетелями.

В течение года Илюшин выезжал на все неопознанные женские трупы. Безрезультатно.

Нина Забелина так и не была найдена.

Сергей не принимал участия в этом деле, но Макар обсуждал с ним процесс поиска. Впрочем, обсуждать было почти нечего, – расследование едва тлело, как чахлый костерок, в который не подбрасывают поленьев. «Может, она сбежала?» – предполагал Илюшин. «Без денег, одежды и банковской карты? – спрашивал Сергей. – Ты установил все ее перемещения за последние полгода. Она курсировала между домом, работой и детским садом. По выходным гуляла в парке с семьей. Все ее мизерные накопления так и лежат на счете в банке. Карта больше нигде не засветилась. У нее не было ни причин, ни возможностей для побега».

Сам он не сомневался, что Забелина мертва. Кто бы ни убил ее, этому человеку удалось спрятать тело так, что даже Макару оказалось не под силу найти следы. Да, скорее всего, она свернула с дорожки и вышла на проезжую часть. Может быть, выбежала за котенком или собакой. Ее сбила машина. Водитель положил тело в багажник, не попавшись на глаза свидетелям, вывез его и закопал. Отключенный телефон выкинул в канализационный люк. За много лет службы Бабкин убедился, что такие вещи происходят чаще, чем думают. Бывает, останки находят много лет спустя, когда сносят старый дом или вскапывают землю в саду...

Ему пришлось напрячь память, но он все-таки сумел вспомнить фотографию пропавшей. Маленькая, пухлая, темноволосая. Ничего общего с Ратманской, кроме роста.

– Я вас помню. – Нина обращалась к Макару. – Вы меня искали... долго. Гришковец из-за вас очень беспокоился. У вас не было шансов меня найти, но он все равно дергался.

Бабкин придвинул стул и сел, избегая смотреть на напарника. Перед Илюшиным находилось живое свидетельство поражения, олицетворенная насмешка над его долгими мучительными поисками. Одна или с чьей-то помощью, но Забелина заставила его поверить, как и всех остальных, что она мертва.

«Ну давай, узнай, что это за Гришковец!»

– Гришковец – писатель? – спросил Макар.

– Простите?.. А! Нет! – Нина с облегчением улыбнулась, и Бабкину стало ясно, что она, как и он сам, боялась реакции Илюшина. – Начальник службы безопасности, Петр Гришковец. Он работал на моего отца. До сих пор работает. Послушайте, Макар Андреевич! Я пришла к вам, потому что только вы можете помочь...

– Нет. – Илюшин покачал головой. – Сначала вы расскажете, что произошло десять лет назад.

– Но это срочное дело, здесь нельзя медлить!

Илюшин рассмеялся. Ратманская, прикусив губу, умоляюще взглянула на Бабкина. Сергей пожал плечами.

Нина помолчала, то ли собираясь с духом, то ли взвешивая, рассказывать ли правду. Бабкин запоздало сообразил, что она им солгала. Конечно, она рассчитывала, что Илюшин ее не узнает.

– Можно мне все-таки чаю? – наконец решилась Нина.

Когда Сергей поставил перед ней поднос, она заговорила, не прикасаясь к чашке:

– В тот день все шло как обычно. Я отвела Леню и Егора в садик...

15 октября 2009 года

Пока она вела Леню и Егора в садик, они верещали как сороки. Нина устало подумала, что ей необходимы специальные наушники, которые блокировали бы звуки детских голосов. И руки. Искусственные руки, которые пристегивались бы к плечам. Пусть дети дергают за них. И ноют: «Мааам, ну маа-ам!» А она ничего не будет слышать и чувствовать.

Господи, как было бы хорошо ничего не слышать и не чувствовать! В последний год Нина каждое утро просыпалась уже уставшей, будто и ночью читала бесконечные претензии и судебные иски.

В раздевалке Нина поговорила с воспитательницей. Вернее, говорила воспитательница, а Нина кивала и вставляла «Да, разумеется» или «Конечно, это очевидно». Дело было в том, что Егор требовал сменить рисунок на его шкафчике. Вместо солнышка он хотел кита. Воспитательница делилась своими соображениями, она пыталась включить Нину в процесс выбора: потакать ли желаниям ребенка или счесть их капризом? Ведь другие дети из группы тоже могут захотеть сменить рисунок...

Воспитательница была хорошая и добрая. Нина смотрела, как шевелятся ее губы, и не верила, что все это происходит всерьез. Кит или солнышко? Солнышко или кит? Она давно должна была сказать, что спешит на работу, но стеснялась оборвать воспитательницу на полуслове. Другие мамы вовлечены в проблемы своих детей, а она глуха к потребностям родного сына. «Повесьте ему на шкафчик говорящую задницу!» – чуть не вырвалось у нее. К счастью, в этот момент Егор толкнул кого-то в группе, и воспитательница поспешила утешать ревущего ребенка.

В маршрутке у водителя звучало «Белые обои, черная посуда, нас в хрущевке двое...» Нина про себя сказала певцу, что их в хрущевке четверо, а теперь попробуй-ка это зарифмуй. Не бог весть какая шутка, но она не смогла удержаться от смеха. Женщина, стоявшая рядом, покосилась на нее и отодвинулась. «Лучше так, чем наоборот», – подумала Нина. Она все чаще чувствовала себя призраком, который не виден живым. Ее толкали, наступали на ноги и недоуменно таращили пустые глаза, когда она возмущалась.

За чужой грубостью стояла какая-то высшая правда. Она и сама чувствовала себя прозрачной, истончившейся. Оторванное щупальце больной медузы. Опуститься бы на дно и лежать на песке, медленно растворяясь...

Везде были люди. Муж, дети, клиенты, сотрудники... Куда бы она ни приходила, повсюду ее оглушал шум голосов, душили чужие запахи.

Нина любила свое дело. Конечно, в судах случалось всякое, но ей нравилось разбираться в нормативной базе и судебной практике, продумывать и выстраивать линию защиты; нравилась собственная уверенность, когда она успевала хорошо подготовиться.

Но иногда происходило странное. Однажды, входя в зал суда, Нина с ужасом поняла, что не имеет ни малейшего представления, какое дело будет слушаться. Ее бросило в холодный пот. Она испуганно взглянула на истца – аккуратного пожилого человечка. Его лицо было ей знакомо... Но кто он? О чем они говорили?

Нина чуть не выбежала в коридор. В последний момент беспмятство растаяло, будто сжалившись над ней. «Художник Лев Кудряшов, дело по защите авторских прав. А те двое – представители молокозавода, который использовал его рисунок как эмблему».

Выйдя из маршрутки, Нина издали заметила рабочих возле клумбы и поморщилась.

Залитый утренний солнцем сквер был единственным местом, где она могла побыть одна. Нина специально выходила из дома пораньше, чтобы здесь задержаться.

Тихо. Никого нет. Летом пели птицы. Осенью дрозды сновали в листьях, шуршали, как мыши. Здесь бесконечный дурной круговорот ее жизни ставился на паузу. Перерыв. Восемь минут каждое утро, кроме выходных.

Она медленно шла, вдыхая сладковатый аромат умирающей осени. Мелкие капли поблескивали на опавших листьях, словно медвяная падь. Изредка встреченные люди – лишь тени, пассажиры поезда в прекрасном мультфильме Миядзаки; Нина специально не смотрела в их сторону, чтобы ненароком не наполнить жизнью.

Она здесь одна. Целых восемь минут.

Проходя мимо рабочих, возившихся в земле, Нина отвернулась. Этим не получится воплотить силой мысли. Их яркие жилеты перекрикивали листву. Кто-то дернул ее за руку, как назойливый нищий. Нина с негодованием обернулась и увидела прямо перед собой здорового рабочего. Второй уже теснил ее к фургону, третий распахивал дверь. От неожиданности Нина оторопела. Человек, который быстро шел к ним от клумбы, показался ей знакомым. При виде его лица она будто очнулась от дурного сна.

– Отпустите меня! Что вы делаете?

Она пыталась позвать на помощь, но не успела. Ее втащили в фургон, зажав рот. После яркого дневного света Нина ничего не могла разглядеть в темноте, но уловила в глубине какое-то копошение.

– Ну, можно уже? – спросил неприятный женский голос.

Из-за спины у Нины сказали успокаивающе:

– Можно.

Нина поняла, что с ней собираются делать что-то ужасное. Она рванулась, забилась, как рыба в сети, и ударилась затылком о чужое лицо. Что-то хрустнуло, раздался глухой вскрик. Ее выпустили. Нина заметалась по фургону, оттолкнула женщину, и та вылетела наружу.

– Нина Максимовна, да успокойтесь вы!

Отчего-то тот факт, что эти люди знают, кто она такая, лишил ее последних остатков самообладания. Без единого звука она бросилась на человека, закрывавшего выход, и боднула его головой в живот. Ее с силой толкнули обратно. Нина пролетела через весь фургон, ударилась виском обо что-то твердое и потеряла сознание.

Она пришла в себя в комнате, залитой белым светом. Из этого света сгустилось розовое пятно и приблизилось к ней, превращаясь в человеческое лицо; когда оно оказалось совсем рядом, Нина разглядела, что это женщина в круглых очках, с родинкой над губой. Она с содроганием приготовилась услышать тот же отвратительный голос, что и в фургоне, но женщина заговорила тихо и ласково:

– Нина Максимовна, не делайте резких движений. Я сейчас принесу вам попить...

Она сразу ощутила, как сухо во рту. Казалось, язык потрескался от жажды.

Вернувшись, женщина сказала, улыбаясь:

– Я вас немного приподниму, не пугайтесь...

Раздалось тихое жужжание, и голову Нины плавно вытолкнуло вверх. Женщина поднесла чашку к ее губам. Вода была на вкус как горное облако. Нина пила и пила, пока не закашлялась.

Она чувствовала себя такой слабой, будто из нее выкачали всю кровь. При попытке сконцентрировать взгляд на деревьях за окном у нее закружилась голова.

На женщине был светло-зеленый костюм – штаны и просторная рубаша. Нина видела похожие на медсестрах.

– Я в больнице?

– Не волнуйтесь, вы под медицинским наблюдением. Вам нужно еще поспать...

Нина послушно закрыла глаза. Она чувствовала, что от ее собственного тела пахнет чистотой. И эта комната была такая чистая, светлая, спокойная... По краю сознания скользнула мысль: «Если это больница, где же Юра?», и она провалилась в сон.

Когда Нина снова проснулась, вокруг были люди. Девушка с длинной черной косой, струившейся по спине, вытирала пыль с огромного агрегата, выглядевшего так, как если бы осьминога трансформировали в механизм. Почувствовав на себе взгляд, она обернулась и застенчиво улыбнулась. Зеленая женщина сидела возле кровати, а чуть поодаль дремал в кресле под клетчатым пледом старик.

– С добрым утром, Нина Максимовна, – мягко сказала женщина. – Как вы себя чувствуете? Голова не болит?

– Кажется, нет.

– Предметы не раздваиваются? Тошнота не беспокоит?

– Нет... Только слабость. Даже руку тяжело поднять.

– Боюсь, в ближайшую неделю этого не избежать. – Женщина померила ей давление. –

Кстати, меня зовут Анна.

– Что со мной случилось?

– Вы упали и неудачно ударились. Не пугайтесь – ничего не сломано, у вас просто сильный ушиб мозга. Но двое суток вы периодически теряли сознание, мы очень волновались за вас.

– Двое суток? – ошеломленно повторила Нина.

– Совсем ничего не помните? Вы приходили в себя, разговаривали с нами.

Нина покачала головой.

– Вам сделали компьютерную томографию, а через пару дней нужно будет пройти МРТ.

– Томографию? – Нине хотелось переспрашивать каждое слово.

– Мы должны были убедиться, что все в порядке. У вас индивидуальная реакция на ушиб. Такое бывает, но за месяц все симптомы, как правило, проходят бесследно. Мы будем за вами наблюдать. – Она ободряюще хлопала Нину по плечу. – Сейчас попробуем вас покормить...

«Да кто такие эти мы?» – хотела спросить Нина. Но перед ней появился поднос с тарелкой золотистого куриного бульона, в котором плавали половинки перепелиных яиц, и она набросилась на еду.

– Осторожно, не торопитесь...

– Где Юра? – спросила Нина, отставив в сторону пустую тарелку. – Что со мной случилось? Я помню, как меня затолкали в какой-то фургон... Этих людей арестовали?

– Боюсь, произошла ошибка...

– Я не понимаю!

– Я объясню позже, вам пока нельзя напрягаться...

– Анна Васильевна, позвольте, теперь я сам.

Старик, про которого Нина успела забыть, с трудом поднялся из кресла и подошел к ее кровати. Женщина замолчала и отступила на шаг назад.

Нина озадаченно уставилась на него. По реакции Анны ей стало понятно, что старик здесь главный. Однако на врача он не походил.

– Если почувствуешь, что устала, сразу скажи. – Старик не сводил с нее взгляда. – Хочешь попить?

– Нет.

Нина не испытывала страха, только любопытство. По отсутствию характерных запахов и звуков она уже догадалась, что это не больница, но и это открытие не испугало ее.

– Где я?

– В моем доме. Меня зовут Константин Михайлович Ратманский. – Он придвинул стул и сел. – Я, Нина, твой отец.

– Моего отца зовут Максим Курчатов, – помолчав, сказала Нина. – Он умер, когда мне был год.

– Я – твой отец, – повторил Ратманский.

– Маме было двадцать пять лет, когда они встретились, – сказала Нина, переводя взгляд с Сергея Бабкина на Макара. – По словам Ратманского, у них был короткий двухмесячный роман. Мама забеременела. Она просто хотела ребенка. А он – не хотел. В общем-то, его можно понять... Константин объявил маме, что готов помогать деньгами, но быть отцом – увольте! Ну а мама по гордости сказала, что его деньги ей не нужны. Наверное, она рассчитывала, что он обрадуется известию о ребенке. Хотя всего два месяца встреч... – Нина вздохнула. – Мама всю жизнь витала в облаках. Выдумала для меня какого-то Максима Курчатова, сочинила ему героическую биографию... Ну, это не важно. Ратманский исчез с ее горизонта. Благополучно женился несколько лет спустя, у него родились сын и дочь. В пятьдесят девять лет ему поставили диагноз: лимфома. Требовалась пересадка костного мозга. Он обратился к детям, но они отказались в этом участвовать.

– Его дети не захотели быть донорами? – удивился Бабкин.

– Испугались боли. Сказали, что отцу лучше обратиться в фонды, к донорам. Он так и поступил. Но дело в том, что при донорстве необходима так называемая тканевая совместимость, и подходящего человека попросту не нашлось.

– Нужные клетки можно получить из крови, – сказал Илюшин. – Для этого не придется сверлить кость. Это безболезненная процедура.

Нина едва заметно усмехнулась:

– Теперь я это знаю. Я прошла через эту процедуру. Но сначала донору вводят специальный препарат, который способствует выходу стволовых клеток из костей в кровь... У него есть побочные эффекты. Алик и Алла их очень боялись.

«Решили, что папаша зажился на свете», – мысленно прокомментировал Бабкин.

– Врачи сказали отцу, что без пересадки он умрет. И тогда он вспомнил про меня.

«Как удобно, когда есть запасной ребенок».

– Отец понятия не имел, где я и что со мной, – продолжала Нина. – Он вызвал своего начальника службы безопасности и велел найти меня и доставить к нему. Объяснять ничего не стал. Папа вообще редко снисходит до объяснений. «Вот вам задача – выполняйте!» А нужно

знать Гришковца... всю жизнь при моем отце, предан ему как собака. Но это не самый сообразительный пес. Если бы Пете приказали загнать овец в загон, он бы задушил их всех до единой, а потом затащил туши внутрь, – потому что иначе овцы могут разбежаться, понимаете? Ему удалось найти меня. Первый раз я увидела его восьмого октября. Я вышла из офиса, и дорогу мне преградил незнакомый человек. Обратился ко мне по имени, сказал, что должен со мной кое-что обсудить. «Вон машина, садитесь...» Я ужасно испугалась! У Пети лицо как у мертвеца, неподвижное и страшное. Я решила, что это кто-то из наших несостоявшихся клиентов, которому отказали в юридическом сопровождении. Вы не представляете, сколько к нам приходило бе-зумцев! Естественно, я даже слушать его не стала! На следующий день он снова маячил перед дверью. Я пригрозила, что позову охрану, и он исчез.

Бабкин с Илюшиным переглянулись. Оба подумали об одном: Гришковец оказался достаточно умен, чтобы не оставлять телефонного следа, и достаточно глуп, чтобы не сообразить, как отреагирует на него незнакомая женщина.

– Я собиралась тем же вечером рассказать мужу об этих встречах...

– Почему не рассказали?

– Юре было не до того. Он попросил, чтобы я не парила ему мозги и дала отдохнуть в тишине после работы. Ну, с Леней и Егором эта тишина была довольно условной... – Нина усмехнулась. – Но когда мужу неприятен сам звук твоего голоса, очень трудно ему что-то объяснить. Я замолчала. Потом просто забыла об этом – голова была занята другим. А Гришковец принялся решать проблему свойственными ему методами. Он ведь не мог подвести хозяина!

Она отпила остывший чай.

– Утром пятнадцатого октября люди Гришковца ковырялись в клумбе, мимо которой я ходила на работу, и делали вид, что выкапывают растения.

Илюшин подался вперед, глаза у него заблестели.

– Одну секунду!

– Вся бригада «озеленителей» была фальшивая, – сказала Нина.

– Я встречался с человеком, который...

– ...которому заплатили, – перебила она. – За те деньги, что дали бригадиру, он бы вам Гамлета изобразил. Никаких плановых работ в сквере в тот день не проводилось.

Илюшин изменился в лице, и Нина заторопилась:

– Послушайте, это не ваша вина! Это все Гришковец. Он предусмотрел, что к рабочим могут возникнуть ненужные вопросы, и выпустил моего клона: женщину похожего телосложения, в таком же синем плаще.

– Вы хотите сказать, свидетели опознали по фотографии не вас? – вступил Бабкин, пораженный масштабом операции.

Нина улыбнулась:

– Люди редко смотрят на посторонних внимательно. Свидетелям показали кого-то, похожего на меня, и они радостно согласились, что это я и есть. Я бы никогда не назвала Петю Гришковца умным человеком, но кое-что он понимает очень хорошо.

Илюшин не сел, а рухнул в кресло. Десять лет назад против него играл не случайный водитель, совершивший убийство по неосторожности, а команда профессионалов. Может, начальник службы безопасности Ратманского и был дуболомом, но похищение Забелиной он выполнил блестяще.

– Петя рассчитывал привезти меня к Ратманскому и выпустить, а там пусть отец сам со мной разбирается. Но в фургоне кто-то оставил сумку с инструментами. Я ударила головой и потеряла сознание. Что было делать Гришковцу? Он решил следовать первоначальному плану. Отвез меня к отцу и сдал тому на руки.

Бабкин переварил услышанное и обратился к Нине:

– Ваш отец до сих пор держит при себе этого... – Он проглотил «кретина». – ...Гришковца?

– Мой отец ценит верность больше любых других качеств, – отчеканила Нина. – Как я уже сказала, Петр ему абсолютно предан.

– Что было дальше? – спросил Макар.

– В одной из комнат отцовского дома для меня оборудовали палату. При мне круглосуточно находились врач и медсестра. Я пришла в себя двое суток спустя, и отец рассказал мне, что произошло.

Октябрь 2009, дом Ратманского

– Я понимаю, как это выглядит, – сказал Ратманский. От него исходил едва уловимый аромат одеколона с вербеной и ввевшийся запах крепких сигар. И стариком, как показалось Нине сначала, он не был – просто немолодой человек, изнуренный болезнью. – Ты не знала меня все эти годы, а теперь я обращаюсь с такой просьбой... Не говоря уже о том, как ты сюда попала... – У него заметно дернулся глаз. – Прости, пожалуйста, я никак не мог подумать, что мой помощник выкинет такой фортель. Я хотел лишь поговорить с тобой. Мне очень жаль, что так вышло. Ты можешь уйти в любую секунду. Твои вещи в шкафу, мой водитель отвезет тебя куда скажешь. Всего этого не должно было произойти...

Нина не поняла, к чему относились последние слова: к его отцовству или к ее похищению. Она впиалась в него взглядом, пытаясь найти хоть какое-то сходство с собой.

Пепельно-серое лицо с ввалившимися щеками. Запавшие глаза. Лоб в бугристую складку. Как будто Ратманский понемногу съезживался внутри собственного тела. Скоро оно станет ему велико, как скафандр ребенку.

– Ты похожа на мать, – сказал Ратманский. – Я знаю, она умерла.

Если бы он добавил «Соболезную» или как-то иначе выразил формальное участие, Нина уехала бы. Но Ратманский молчал.

Он был в брюках, белой рубашке и синем твидовом пиджаке; на лацкане поблескивал значок Осоавиахима, и Нина не могла отвести глаз от этого значка – странного анахронизма, как будто не из этой реальности.

Ратманский присел на край кровати и положил руку на одеяло. Даже сквозь ткань Нина почувствовала, какая холодная у него ладонь.

– А если я не подойду? – услышала она собственный голос.

– Ты подойдешь.

Нина не стала уточнять, откуда ему это известно. Она понимала, что Ратманский мог проделать все необходимые манипуляции с ее телом, в чем бы они ни заключались, пока она оставалась без сознания. Имея собственных врачей, медицинскую аппаратуру... Это не составило бы труда.

Однако Ратманский на это не пошел. Он дождался, пока Нина проснется, и затем изложил все как есть. Что-то подсказывало Нине: он не станет ни о чем ее умолять, хотя речь идет о его последнем шансе.

– Тебе не обязательно принимать сейчас какое-то решение, – сказал Ратманский. – Отдохни. Погуляй в саду. Там есть пара занятных птиц... Веселые дураки. Может, тебе понравится. А пока поспи.

– Подождите! – Нина привстала. – А что с моей семьей?

– С твоей семьей? – недоуменно переспросил Ратманский.

– Да, где они?

– Наверное, там, где должны быть. Дома. Что ты имеешь в виду?

– Вы что, не связались с ними?!

Нина, обессилев, опустилась на подушку. Конечно, Юре никто не позвонил. Как она себе это представляла? «Здравствуйте, мы похитили вашу жену, она пока без сознания, мы вернем ее вам через несколько дней»? Но глядя на недоумевающее лицо Ратманского, она отчетливо поняла кое-что еще. О ее семье никто и не задумался. Ее мужа и детей не существовало даже на периферии размышлений Ратманского и его помощника.

– Дайте мне телефон! – Она попыталась повысить голос. – Они же там с ума сходят...

– Телефон тебе принесут, – сказал Ратманский. – У меня только один совет: не звони прямо сейчас. Сначала отдохни.

– Почему? – враждебно глядя на него, спросила Нина.

– Тебе нельзя волноваться. Врач сказал: полное спокойствие в течение хотя бы двух дней. Я и так нарушил его запрет, но скрывать, что с тобой произошло и по чьей вине, мне показалось безнравственным...

– А что мой муж сходит с ума два дня – это нравственно?

– Сначала поспи, – повторил Ратманский. – Телефон принесут через минуту, он останется у тебя. Ты можешь звонить кому хочешь.

Он вышел, и Нина осталась одна. Врач исчезла в начале их разговора. Вскоре в палату скользнула девушка с косой и осторожно положила сотовый на стул рядом с кроватью. Это был чужой телефон. О судьбе своего Нина даже не спрашивала.

Конечно, она должна была позвонить сразу. Но в палате было так тихо... Просто полежать в тишине, поспать без того, чтобы на ухо кричали, тормошили ее, требовали поесть, попить или отобрать игрушку у брата...

Нина не заметила, как уснула.

Проснувшись, она первым делом посмотрела на стул. Телефон был на месте. Ей принесли сладкий чай и тарталетки с паштетом, после которых Нина почувствовала, что наконец-то проголодалась всерьез.

– Я бы советовала вам сначала прогуляться, – сказала Анна.

Нина спустила босые ноги на пол, встала, но пошатнулась.

– Мы это предвидели. – Голос Анны звучал почти весело. – Не переживайте, это временно.

Нину посадили в инвалидное кресло, и та же молчаливая девушка с черной косой неторопливо выкатила ее из комнаты.

Она везла кресло по длинным широким коридорам, обитым деревянными панелями, над которыми висели картины – пейзажи, натюрморты. Нина крутила головой, чувствуя себя ребенком в сказочном замке. На лифте они спустились на первый этаж, никого не встретив по дороге. В конце очередного коридора стеклянные двери раздвинулись, и Нина ахнула.

Это была оранжерея. Вот о чем говорил Ратманский, приглашая ее прогуляться по саду! Вокруг цвели апельсиновые деревья, воздух был напоен их прозрачным сладким ароматом. Нину привезли к небольшому бассейну, выложенному мозаикой с золотыми рыбками. Настоящие рыбки лениво плавали над своими мозаичными собратьями, распуская янтарные хвосты.

– Оставить вас одну? – Девушка впервые заговорила с ней.

– Да, пожалуйста...

– Вот здесь кнопка. Как только я понадоблюсь, просто нажмите.

Она улыбнулась и ушла.

Где-то журчал невидимый фонтан. Нину окутало смолистым запахом, как в сосновом лесу или среди можжевельника, нагретого солнцем. Она огляделась и заметила кусты рододендрона, а за ними стелющийся по земле вереск. Ее охватило безмятежное спокойствие. Полгода назад она заикнулась было о том, что хотела бы съездить в отпуск одна. Юра не разговаривал с ней после этого целую неделю. Он никогда не повышал на нее голос: просто замолкал. На его языке это называлось «включить воспитательный игнор». Нина, для которой это нака-

вание было мучительнее любого другого, один раз дошла до того, что в отчаянии пожаловалась его матери. «А ты его не доводи, он и не будет так себя вести, – ответила Тамара. – Со мной ни разу не молчал».

Если бы Нине удалось уехать, как мечтала, она именно так и провела бы свой отпуск. Сидела бы у воды. Ни о чем бы не думала.

Из кустов выпорхнул ярко-красный попугай с желто-синими крыльями и опустился на бортик бассейна.

– Ой! – Нина восхищенно уставилась на него. – Здравствуй!

Попугай что-то приветственно прохрипел и улетел. Нина проводила его взглядом.

Телефон лежит в кармашке ее кресла. Можно позвонить прямо сейчас.

Стоит ей набрать номер Юры, и все закончится. Ее выдернут из тишины и сунут на привычное место. Приготовить завтрак, собрать детей, отвести детей, весь день бегать по судам, забрать детей, уложить детей... Интересно, как Юра справлялся с мальчишками эти два дня? Конечно, мама помогала.

Если бы можно было позвонить и вернуться завтра утром! Только один день провести среди деревьев, в тепле и тишине...

Нина задремала в кресле под журчание невидимого фонтана. А когда очнулась, неподалеку от нее на скамье сидел Ратманский.

– Я так и думал, что тебе здесь понравится.

– Здесь чудесно, – искренне сказала Нина. – Чем вы занимаетесь... э-э-э... Константин Михайлович?

Ратманский усмехнулся и, точно воспроизведя интонации Аль Пачино из «Адвоката дьявола», произнес:

– Зови меня папой.

Нина ахнула от неожиданности и расхохоталась. Шутка была на грани фола, но сыграна талантливо.

Ратманский улыбнулся, радуясь, что она оценила цитату.

– Люблю этот фильм, – признался он. – «Смотри – но не смей трогать! Трогай – но не пробуй на вкус!»

– «Умей из всего извлечь пользу, а потом забыть», – отозвалась Нина.

– «А как же любовь?» – спросил Ратманский.

– «Ее слишком переоценили. Биохимически это как съесть большое количество шоколада».

– «Старт был неплох. Но ни у кого не получалось выигрывать всю жизнь».

Нина открыла рот, но осеклась.

– Прозвучало слишком лично? – усмехнулся Ратманский. – Поверь, я этого не планировал. Хочешь, пообедаем здесь?

Он кому-то позвонил, и, как по мановению волшебной палочки, возник стол с закусками. «Настенька в гостях у чудовища», – подумала Нина.

Ратманский оказался прекрасным собеседником. Нине нравился его суховатый желчный юмор и полное отсутствие жалости к себе. Он был тяжело болен, однако шнуровал домашние туфли, застегивал пуговицы на своей отглаженной сорочке, надевал пиджак... Облекал себя в доспехи, позволяющие сохранять достоинство.

Тема донорства ни разу не всплыла в их беседе. Он всего лишь развлекал ее, как хороший хозяин развлекает гостя. После обеда, спросив у Нины разрешения, Ратманский вытащил из кармана сигару и с видимым наслаждением закурил.

– У вас замечательный дом, – сказала Нина, умолчав о том, что видела только коридоры и лифт.

– Между прочим, он построен на месте усадьбы, где обитал призрак старой дамы. Мне рассказывали о ней люди, которым я склонен доверять. Она появлялась среди руин и просила принести ей фиалок. Но в новое жилище эта дама переезжать не пожелала.

– Может быть, она просто стесняется вам показаться? А потом со свойственной старухам болтливостью как начнет выкладывать свои секреты, накопленные за долгую жизнь, – и не отвяжетесь...

– Ты знаешь, Нина, Анатолий Александров, президент Академии наук СССР, рассказывал: «В тысяча девятьсот шестнадцатом году мои сестры увлеклись спиритизмом. В смутное время всегда возникают такие увлечения. Мой отец, обращаясь к ним, сказал: «Я еще могу поверить, что вы можете вызвать дух Льва Толстого или Антона Чехова. Но чтобы они с вами, дурами, по два часа разговаривали – я в это никогда не поверю!»

Нина засмеялась и встала, с радостью ощутив, что голова больше не кружится.

– Пойдемте, Константин Михайлович. Расскажите мне, как нужно подготовиться к сдаче костного мозга.

– Я собиралась позвонить домой на следующее утро. Переночевать у Ратманского, а потом вернуться. – Нина обвела взглядом молчащих сыщиков. – Но кое-чего я не учла. Юра обязательно спросил бы, почему я не позвонила раньше. Где я была? Два дня лежала без сознания – а третий день? Прохлаждалась под сенью апельсиновых деревьев? Я не смогла бы этого объяснить. И осталась еще на один день. Потом еще на один. И чем дальше, тем невозможнее становилось набрать Юрин номер и рассказать, что произошло. Я хотела! – с силой сказала Нина. – Но стоило представить, что ждет меня по возвращении... Даже через две недели я говорила себе, что вот-вот соберусь с духом и позвоню. Но к этому времени у меня уже не осталось никаких оправданий. Мой муж бросил бы меня, как только я призналась бы, что неделю провела со своим отцом, а не лежала в отключке...

– А дети? – недоверчиво спросил Бабкин. – Черт с ним, с мужем! Но у вас же двое детей!

Нина помедлила, задумчиво глядя на него.

– Понимаете, – сказала она наконец, – я по ним совсем не скучала. Когда мы жили вместе, я заботилась о них. Читала им. Делала все, что положено хорошей матери. Но четыре года подряд я ни на один день не могла от них отойти! В конце концов мне хотелось только открутить время на семь лет назад, когда мой муж первый раз заговорил о том, что семья без детей – неполноценная и что я должна что-нибудь предпринять, чтобы у нас появился ребенок. Открутить назад и сказать ему, что я лучше буду жить одна с десятью кошками, чем пройду через три ЭКО.

Нина перевела дух.

– Значит, вы сбежали от своих детей, – протянул Бабкин, подумав, что десять лет назад Макар почти угадал.

– Я сбежала от своей жизни, – поправила Нина.

Ратманская поначалу вызвала у Сергея симпатию уже тем, что не походила на своих предполагаемых предшественниц – тех женщин, что требовали от Илюшина раздобыть доказательства измены. Но теперь он не ощущал ничего, кроме брезгливости. Кашемировая моль бросила детей. Променила семью на богатую жизнь в доме олигархического папаша.

Зато Илюшин прямо-таки светился неподдельным любопытством.

– И вы остались с отцом? – спросил он.

– Я к нему ужасно привязалась. – Ее лицо осветилось застенчивой улыбкой. Бабкин невольно отметил, что при упоминании детей она не улыбнулась ни разу. – С ним интересно каждую минуту. У меня появился кто-то родной. Кто-то, кто обо мне заботился. Смеялся над моими шутками. Слушал мои рассказы про случаи из практики. Впервые после смерти мамы... Я не думала, что такое возможно.

– И, конечно, деньги, – понимающе кивнул Макар.

– Разумеется. Столько денег, что они превратились в свободу, – просто сказала она.

– А зачем вы сделали пластическую операцию?

– Несколько операций, – уточнила Нина. – Понимаете, я не хотела... – Она замялась. – Я не хотела себя прежнюю. Я мечтала стереть Нину Забелину ластиком и нарисовать на ее месте другого человека. У отца огромные возможности. Он выправил мне новые документы, и я стала Ниной Ратманской. Поменяла цвет волос. Похудела. Все это изменило меня до неузнаваемости.

– Почему вы хотели себя стереть? – не выдержал Сергей, игнорируя знаки, которые подавал Илюшин.

Ратманская взглянула ему в глаза.

– Я себя ненавидела, – ровно сказала она. – Кажется, я рассказала вам о себе все, что вы хотели знать. Теперь мы можем перейти к делу?

Илюшин помолчал. Затем сделал жест, означавший, что он слушает.

Нина непроизвольно поднесла руку к горлу. Собранный, сдержанный женщина на мгновение исчезла, в лице проглянул страх.

– Мой сын Егор пропал больше суток назад. Я хочу, чтобы вы его нашли.

Глава 2

– Куда тебя опять понесло?! – крикнула мать.

Вопрос застал Веру перед зеркалом в прихожей. Вера, полностью одетая и почти готовая к выходу – осталось только сумку собрать, – зачесывала волосы в хвост. Если сначала причешется, а затем натянуть свитер, короткие волоски у висков и на лбу выбьются и встанут дыбом. Аккуратность и опрятность – последнее прибежище некрасивой женщины.

– Я кого спрашиваю? – повысила голос мать.

Вера не выдержала. Заглянула в комнату и отчеканила:

– На работу! Мне выходить через пять минут! Будь добра, не мешай мне собираться!

– Господи, до чего ты дошла, – с невыразимым удивлением сказала мать. – Затыкаешь рот человеку, прикованному к постели. Верочка, посмотри на себя! В кого ты превратилась! А ведь тебе еще нет и пятидесяти...

– Мама, мне сорок пять!

– Это ты хахалям своим будешь рассказывать, – устало откликнулась мать, отворачивая седую голову к окну.

– Благодаря тебе у меня нет и не может быть никаких хахалей! – взвилась Вера, снова – в который раз! – хватая наживку.

Регина медленно повернула к ней бледное утомленное лицо. Заостренный нос, высокий лоб без единой морщины, твердо очерченные губы. Так могла бы выглядеть великая актриса на старости лет.

– Благодаря мне? – повторила мать и засмеялась. – Ты отыскала виноватого в твоей женской невостробованности? Ах ты моя умница! Ну, так далеко ходить не стоило...

– Прекрати! – беспомощно попросила Вера.

– ...Достаточно было взглянуть в зеркало! – весело продолжала мать. – Милая моя, ты похожа на старуху гораздо больше, чем я. Вот ведь парадокс, правда?

Кровь бросилась Вере в голову.

– Может, это оттого, что я за тобой ухаживаю, а не наоборот? – сквозь зубы спросила она.

– Давай, попрекни беспомощную мать своей заботой, – равнодушно отозвалась Регина. – Ты предсказуема. Кстати, нужно поменять... это...

Она выпростала из-под одеяла тонкую руку и королевским жестом указала на середину кровати.

– Это называется памперс, мама, – еле сдерживаясь, сказала Вера. – Я тебе его утром меняла! Извини, мне пора на работу!

Она вернулась в коридор и стала натягивать сапог.

– Мало того, что ты обворовываешь меня, – кротко начала мать, – что я сутками голодаю, потому что ты оставляешь меня без еды, так ты еще и пытаешься лишить меня остатков достоинства. Допустим, порядочности в тебе никогда не было. Но твоя работа лишила тебя и остатков человечности...

Вера зажала уши. Не поддаваться! Но каким-то немислимым образом слова матери проникли в голову, словно отравленная вода.

«Продать к черту квартиру, – ожесточенно думала она, – оплатить дом престарелых, самой переехать в комнату, никогда ее не навещать, не подходить даже близко. Трупный яд в обличье родной матери. Ведьма, ведьма...»

Ее мысли прервала воцарившаяся тишина.

Вера отняла ладони, вскинула голову. Мать молчала.

– Мама? – неуверенно спросила она.

Тихо.

Вера в одном сапоге метнулась в комнату, кинулась к кровати, чтобы наткнуться на враждебный взгляд блекло-голубых глаз. Мать сжала губы в ниточку. Это означает, что теперь она будет разговаривать только с Ирочкой. Но зато уж Ирочке выложит все: и про кражу бриллиантов у несчастной старухи, и о том, как она молила о куске хлеба, а дочь смеялась ей в лицо... Ирочка, добросовестная дура, верит каждому ее слову. На все объяснения Веры она кивает, но пять минут спустя забывает начисто. Ирочка живет тремя этажами ниже. Уже завтра она восторженно разнесет по подъезду, что Вера Шурыгина... обкрадывает... на барахолке видели вещички Регины Дмитриевны... на днях шубу норковую продала и любимую Регины Дмитриевны шаль...

Шалей, разумеется, мать отродясь не носила.

Самое смешное и нелепое, что при этом Ирочка очень тепло относится к Вере. Печет для нее пироги на невкусном жестком тесте. Подкидывает ей в карман то шоколадку, то карамельку. Глупая пятидесятилетняя Ирочка с добрым красным лицом, чистосердечно принимающая на веру все рассказы Регины Дмитриевны... Пару раз, поймав на себе брезгливые взгляды соседней («мучает мать, привязывает ее к койке»), Вера клялась себе, что завтра же прогонит эту тупую фефелу.

Прогонит – и что потом? Кого она наймет вместо нее? Безотказная Ирочка берет в два раза меньше, чем профессиональная сиделка. Ее можно попросить подменить Веру и в выходные, и в праздники. А репутация Верина уже испорчена так, что дальше некуда.

Хотя мать способна выкинуть любой фокус. С нее станется выброситься из окна и обставить напоследок все так, будто ее столкнула дочь.

– Мама, давай не будем ссориться, – устало попросила Вера. Краем глаза взглянула на часы и ужаснулась. – Я тебя переодену.

Регина прикрыла веки и застыла с мученическим видом. Какое значительное трагическое лицо! «А ведь она мелкая, недостойная женщина, – отстраненно думала Вера. – Ни одного доброго поступка за всю жизнь. Из прочитанных книг – пяток женских романов. Ни дружб, ни увлечений... Бесконечные сериальчики под пустую болтовню с Ирочкой – вот и все ее удовольствия. Ах да, еще смешивать меня с дерьмом».

Вера попятилась и вышла, затылком ощущая незрячий взгляд матери.

На улице у нее зазвонил телефон.

– Нечаева уехала в Грузию, Гузелина заболела! – надрывалась начальница. Вера отодвинула трубку от уха. – Горчакова, Криворучко, Жбанов – все повисли!

Горчакова, Криворучко и Жбанов представились Вере тремя выцветшими мотыльками, повисшими на ниточках седой паутины.

Если бы не ссора с матерью, у Веры хватило бы сил отбрыкаться. Но она чувствовала себя обескровленной.

– Горчакову я возьму.

Она сдалась сразу, и начальница от изумления даже запнулась. Горчакова – «валежник»: лежащая больная в деменции. Вера про себя называла таких больных гусеницами. Старуха способна только есть и испражняться. Родственники оплатили двух круглосуточных сиделок, хотя для паллиативных больных мало и троих. Восемидесятипятилетняя Горчакова должна находиться в психоневрологическом интернате, но все места заняты, и она лежит в узкой постели в своей квартире, бессмысленно глядя в потолок. Слава богу, глотательный рефлекс не утрачен.

– Вот спасибо тебе, Верочка, золотая ты душа...

– Матрас есть, напомните? – перебила Вера. Противопролежневый матрас – великое изобретение. Если родственники не разорились на него, массировать и переворачивать старуху придется ей.

– Есть, Вера, есть! Там до шести часов Кузнецова, а потом ее надо подменить.

– До которого часа?

– До утренней смены, – осторожно предложила начальница.

– Десять вечера – самое позднее, – непреклонно сказала Вера. Если она вернется позже полуночи, мать сожрет ее с потрохами.

– До десяти, уговорила!

Начальница согласилась подозрительно легко. Идя к парковке, Вера сообразила, что та попросту бросит старуху без ночного присмотра. С другой стороны, Горчакова лежит тихо, как пупс, а памперс можно поменять и утром... Ей уже приходилось работать с Горчаковой. «Хорошо бы тоже заболеть, – подумала Вера. – Гузелина раз в квартал уходит на неделю, как по графику». Она представила, как будет лежать в одной квартире с матерью, и засмеялась.

Телефон зазвонил снова. На экране высветилось: «Нина».

Вера закусила губу и остановилась.

Сергей Бабкин взглянул на часы: начало одиннадцатого. За какой-то час Нина Ратманская похоронила не только его надежды выспаться, но и хорошее настроение.

Он понимал, отчего Илюшин согласился взяться за поиски. Макару требуется реванш. В этом Сергей его поддерживал.

Но вместо того, чтобы распределить обязанности, Илюшин сообщил, что Бабкину предстоит заниматься поисками мальчика одному.

Вот тут-то Сергей и взвыл.

– А ты что будешь делать? – сердито спросил он.

– Перепроверю рассказ Забелиной.

– Ратманской, – автоматически поправил Сергей. – Что именно ты собираешься проверять?

– Я допускаю, что это не Забелина.

– Ты ее по голосу узнал в первые две секунды!

– Подделать голос не так сложно, как тебе кажется. Профессиональные актрисы способны...

Обозленный Бабкин не собирался слушать эту ересь. Махнув рукой, он ушел на кухню и в четыре приема заполнил крепчайшим кофе огромную керамическую кружку, которую Илюшин называл кастрюлей.

С раздражением шваркнув кружкой об стол, Сергей подумал, что зря теряет время. Мальчишка удрал в субботу днем, а сейчас утро понедельника. Прошло больше двух суток. «Сказать по правде, до черта», – хмуро размышлял он.

Каждый день в стране пропадает около ста пятидесяти детей. Большая часть – подростки, сбежавшие из приютов. Девяносто шесть процентов будут найдены живыми в течение трех – десяти дней.

Четверых найдут погибшими.

Двоих не найдут никогда.

Кроме полиции, к делу привлекли волонтеров. Ему придется идти по чужим следам, заново опрашивать свидетелей.

В этом не было ничего особенного. Однако мысль о предстоящей работе – в одиночку! – приводила его в бешенство. В свое время Сергей Бабкин считался лучшим оперативником отдела – не в последнюю очередь благодаря хладнокровию, которое позволяло ему, не моргнув глазом, выдерживать пьянство коллег, ор начальства и бесконечную череду столкновений с самыми неприглядными сторонами человеческой натуры. Пока Бабкин не начал работать с Илюшиным, он крайне редко утрачивал присущую ему невозмутимость.

Макар – тот умел вывести его из себя! Макар кого угодно умел достать.

Но сейчас дело было не в нем. Независимо от илюшинских выкрутасов, Сергея с души воротило при мысли о предстоящем деле.

Такое происходило с ним впервые. «Отставить самокопание! – жестко сказал он себе. – Работаем».

Ратманская принесла фотографии сына за последние несколько лет. Мальчик везде был снят не телефонной камерой, а профессиональной. На самой последней он смотрел чуть мимо фотографа: круглоголовый пацан с коротко стриженными темными волосами и торчащими ушами. Угрюмое лицо, взгляд исподлобья. Говоря начистоту, Егор Забелин выглядел как стереотипный беспризорник. Спортивные штаны и светло-серая толстовка – униформа подростков. Бабкин привычно разделил его лицо воображаемой линейкой, сопоставляя пропорции носа, лба и губ, маркируя каждую черту этого лица (лоб: средний, выпуклый; брови: широкие, горизонтальные, темные; глаза: горизонтальные, средние, карие, овальные; нос: короткий, широкий).

Пять фотографий, по одной на каждый год.

Сергей разложил перед собой снимки. В десять лет – совсем ребенок: толстощекий, с зачесанной набок челочкой и широкой улыбкой. Бабушкина гордость! В кармане булочка, в рюкзаке пирожок. Одиннадцать лет: улыбка исчезла, но щеки в наличии, волосы тоже. Взгляд вопросительный, брови чуть подняты: чего вы от меня хотите? Пока без враждебности. Двенадцать: почти то же самое, разве что челочка встала дыбом.

Тринадцать. Внезапно обрисовались скулы. Затвердела линия губ, в глазах не вопрос, а вызов. Характер отчетливее проявился в лице. В кармане не булочка, а мятые сигареты; на целую пачку не разориться, поэтому скидываются впятером и делят. Бабкин пометил в блокноте: проверить, состоит ли на учете в полиции. Все записи в деле он вел от руки, по окончании расследования сканируя их и копируя в «облако», – на этом настоял Макар.

Зачем Ратманская продолжала наблюдать за брошенной семьей? Из чувства долга? Чувства вины? Сергей не мог этого понять. Три-четыре раза в год Нина встречалась с лучшей подругой – единственной, кто был посвящен в некоторые детали ее новой жизни.

– Ее зовут Вера, – сказала Нина. – Вера Шурыгина. Она абсолютно надежный, очень честный человек.

– Вы позвонили ей? – спросил Макар.

– Я встретила с ней спустя четыре месяца после моего исчезновения. Подстерегла у подъезда, когда она возвращалась домой после работы. Кое-чему опыт Гришковца меня научил. Я не сказала... – Нина запнулась. – Я не сказала ей про отца. Наврала, что у меня случилась огромная любовь, какая бывает раз в тысячу лет. Мой возлюбленный – художник, меценат, богач. Он подготовил мой побег.

Илюшин поднял брови:

– А почему не сказали правду?

Нина задумалась. Сергей смотрел на ее тонкое аккуратное лицо, казавшееся ему теперь несколько кукольным, и пытался совместить с фотографией пухленькой бесхитростной женщины, которую он помнил по расследованию десятилетней давности.

– Ей не нужна была правда, – сказала она наконец. – Вера – человек, который вершиной литературы считает «Гранатовый браслет». Когда я в шутку говорила, что Желтков – самый настоящий сталкер, она ужасно сердилась. Для нее это история о романтической любви. Лишь такая любовь могла в Вериных глазах служить оправданием моему исчезновению, вернее, невозвращению. Если бы я сказала ей, что обрела намного больше, она бы меня не поняла. А мне требовалось, чтобы Вера стала моими глазами и ушами.

– Зачем вам это? – не выдержал Сергей.

Нина сухо усмехнулась:

– Я же не на исповеди, надеюсь? Какая разница. Я попросила ее приглядывать за моими детьми и рассказывать мне, что у них происходит.

– Значит, очень честный человек годами врал вашему мужу и шпионил для вас, – констатировал Макар.

– Вере это тяжело далось, – укоризненно сказала Нина. – Если бы не деньги, она никогда бы на такое не пошла.

– Так вы ей еще и платили? – расхохотался Макар.

– Я использовала в своих целях ее трудные жизненные обстоятельства, – отчеканила Нина с вызовом. – У Веры лежачая мать. Постоянно нужны средства на сиделок, лекарства, памперсы, катетеры... Я плачу Вере за ее помощь и молчание, а она на время забывает про свои моральные принципы. Я знаю, ее мучает эта ситуация. Но я предложила честную сделку, и она согласилась.

«Плата за то, чтобы спать спокойно, – подумал Бабкин. – Раз в три месяца удостоверяется, что дети живы и не голодают».

Он видел в этом какую-то издевку. Добрая фея издалека приглядывает за Золушкой, изнемогающей под гнетом домашних обязанностей, но расшитое золотом платье и хрустальные туфельки хранит на антресолях для себя.

Все утро Сергей потратил на сбор информации.

Расследование начали быстро. В субботу вечером отец, Юрий Забелин, подал заявление, а уже к полудню следующего дня к поискам были подключены волонтеры. Фотографию мальчика запостили в соцсетях, обзвонили одноклассников и учителей.

К утру понедельника Егора не нашли ни в больницах, ни в моргах. Бабкин связался с оперативником, который занимался поисками, и спросил, когда можно подъехать, чтобы посмотреть записи с камер наблюдения.

– Три часа восемь минут. – Молодой безусый парень с гладким, как у девушки, лицом ткнул в монитор, хотя Бабкин и сам отлично видел цифры. – Суббота, двадцать шестое октября. Это он топает на автобусную остановку. Камера на салоне красоты, в квартале от его дома.

Бабкин сделал скриншот.

Егор был одет не по погоде легко. Яркая кепка, темная куртка до пояса – Сергей вспомнил, что они называются бомберами. Джинсы, светлые кроссовки. За спиной рюкзак, больше похожий на вещмешок. Мальчик шел быстро, не оборачиваясь. Он не выглядел напуганным и не прибавлял шаг.

– В три часа двадцать две минуты Егор сел на маршрут... эээ... сорок первый. – Оперативник сверился с записями. – Проехал две остановки, вышел возле торгового центра «Эллипс» и потерялся в толпе.

Сергей пометил в блокноте: посмотреть камеры магазина.

– Можешь не тратить времени, – посоветовал парень, заглянув через его плечо. – Я там был вчера, опрашивал сотрудников, ну, и камеры глянул. Не-а, не появлялся он в «Эллипсе».

Сергей вспомнил шумную многолюдную площадь. Оживленный перекресток, шесть улиц расходятся лучами, можно уехать и на такси, и на маршрутке... Егор удачно выбрал место, чтобы затеряться.

– А в семье что говорят? Когда ты с ними общался?

– Вчера днем. Живет с отцом, бабушкой и братом, бабушка этажом выше, но часто спускается к ним. Отношения нормальные. Раньше не сбегал. Ну, поругались накануне с отцом, но, по его словам, обычная стычка, ничего из ряда вон выходящего.

– А мать? – спросил Бабкин. Он знал ответ, но хотел услышать, что скажет безусый.

– Давно умерла. Так, насчет шмоток... Не хватает одного-двух комплектов нижнего белья, свитера, рубашки и еще чего-то по мелочи – а, кроссовок. Других родственников нет.

Непонятно, у кого он может прятаться. Есть бабкина дача, но она закрыта. Туда съездили волонтеры, все проверили. Ну, и я участкового попросил глянуть и опросить соседей. По нулям.

Оперативник соединил большой и указательный пальцы в кольцо. Получился жирный ноль. Он как будто испытывал удовлетворение, сообщая о нулевых результатах своей работы, и Сергей подавил неприязнь. Парень действовал быстро и добросовестно, его не в чем упрекнуть.

– Соцсети проверили? – спросил он для проформы. – ВКонтакте, и что там у них еще?..

– Да, в первую очередь. Все чисто. Никаких объявлений, двусмысленных посланий. Выглядит так, будто парень уехал к бабушке с дедушкой. Кстати, телефон он предусмотрительно оставил дома. По симке его не отследить.

Сергей прошерстил записи Егора ВКонтакте, особенно тщательно выискивая упоминания о любимых музыкальных группах. Подросток, уходящий из дома с минимумом вещей, мог метнуться автостопом на концерт, о котором давно мечтал. Но Егор ничего не писал об исполнителях.

«Ладно, – сказал Бабкин, – начинаем с семьи».

Сергею открыл Юрий Забелин.

– Проходите, – сказал он, не поздоровавшись. – Я отпросился у начальства на обед, у меня времени в обрез.

Среднего роста, крепкий, с невыразительным лицом, в котором не было ни одной приметной черты, Забелин сильнее всего поразил Бабкина сходством с собственной паспортной фотографией. Отчего-то возникало ощущение, что не живого человека сфотографировали на документ, а фотографию скопировали, воссоздав из картинку трехмерное изображение.

– У меня мало времени, – сердито повторил Забелин, глядя, как Сергей вешает кожаную куртку на крючок.

– Если у вас на работе важные дела, можем встретиться позже, – флегматично предложил Бабкин, заведомо зная, что Юрий откажется.

– Позже мне тем более будет не до того! – отрезал Забелин.

Он был не расстроен, не испуган, а раздражен.

Сергей часто сталкивался с тем, что при виде его мужчины определенного склада впадают в агрессию. Но Забелин, похоже, уже был чем-то выведен из себя, когда сыщик пришел.

Бабкин не стал ходить вокруг до около.

– Юрий, вас что-то рассердило?

– Поведение моего сына! Я вынужден терять время, отвечать на idiotские вопросы, терпеть подозрения в свой адрес... Каждая собака считает, что я убил собственного ребенка!

– Я постараюсь не затягивать нашу беседу, – пообещал Сергей.

Забелин привел его в кухню. Бабкин успел по дороге ухватить взглядом и гостиную, и детскую. На всем лежал неуловимый налет уныния, от которого сводило скулы. Он не мог понять, откуда это впечатление. Квартира была аккуратной, чистой, совершенно стандартной. Бабкину доводилось видеть десятки похожих жилищ. И все-таки в каждом из них можно было обнаружить что-то индивидуальное. Детские каляки-маляки на стенах. Шторы с ярким рисунком. Подушку с ручной вышивкой. Запахи, в конце концов... Каждая квартира пахнет по-своему.

У Забелиных пахло остывшим столовским супом. Если бы не двухэтажная кровать в детской, невозможно было бы определить, кто здесь живет.

Только кухня обнаружила собственное лицо. На стульях висели полотенца с петушками, при виде которых в памяти Сергея всплыло полузабытое слово «рушник». Холодильник был

плотно облеплен магнитиками: котята, домики, фрукты, рыбы, красный рак, и в самом центре – большой керамический пряник, неприятно выпуклый и глянцеви́тый. Он напоминал труп настоящего пряника, вымоченный в формальдегиде.

По телефону Сергей соврал Забелину, что он один из волонтеров поисковой группы.

– Ваши меня уже спрашивали!

– Простите, мне придется кое-что уточнить. Когда вы поняли, что Егор сбежал?

– Когда в субботу вернулся домой. У меня был рабочий день, Леня с бабушкой ушли в поликлинику. Мы вернулись почти одновременно и нашли записку. Часа в четыре это было.

– Записку можно увидеть?

Забелин молча ушел и вернулся со свернутым листом, вырванным из школьной тетради. «Жить с вами больше не хочу. Искать меня не надо, у меня все в порядке. Позвоню через месяц», – прочитал Сергей.

– В каком настроении Егор был в последнее время?

– Говнился, – отрезал Забелин.

– Можно подробнее?

– Огрызался то и дело, нарывался. Хамил.

– Да, подростки это умеют, – нейтрально заметил Бабкин, про себя отметив слово «нарывался». – Прибить иногда хочется, честное слово! У меня свой дома, чуть постарше вашего. Мало кто понимает, каково быть отцом сына-подростка. С нас только спрашивают: и в школе, и в секциях. Психологи талдычат, что главное – любовь к своему ребенку... Проще сказать, чем сделать!

Он выбрал правильный тон, объединив их с Юрием в одну когорту. Два мужика, тертых жизнью... Вокруг все катится в тартарары. Но такие, как они с Забелиным, без лишних слов держат небесный свод на своих натруженных плечах. Хранители истинных ценностей: уважения к старшим, нормального распределения ролей – мужчина должен быть мужчиной, а женщина – женщиной! Эх, где оно сейчас, это уважение...

Он поморщился и мотнул головой, словно сокрушаясь о навсегда ушедших золотых временах.

Бабкин не был артистичен, но он умел попасть в ожидания собеседника. К тому же выбранная им роль не отличалась сложностью.

Юрий заметно смягчился.

– Про школы – это вы правильно заметили. Учителя пошли – не умеют с детьми управиться! В мое время за лишнее словцо лупили указкой. И ничего, все нормальными людьми выросли!

Бабкин не понимал, как можно всерьез повторять затасканные фразы о нормальных людях, когда у тебя сын ушел из дома с одним комплектом белья. Но закивал с таким видом, словно Забелин сказал что-то очень умное.

– Знаете, вот у собак есть такие породы, которым слово сказал недовольным тоном, и они сразу соображают, что делают что-то не так, – продолжал, воодушевившись, Забелин. – Например, русский спаниель. Умнейшие псы! А есть, допустим, алабаи. Ты его поленом по спине дубась, ему хоть бы хны.

– Потому что он тупой? – доверчиво спросил Бабкин.

– Не то чтобы тупой... Высокий болевой порог, ну, и не особо умный, да. Что там от него требуется: двор охранять и на чужих бросаться. Это тебе не добычу на крыло поднимать, а потом хозяину приносить уток. Вот где ювелирная работа!

– Вы хотите сказать, Егор среди собак был бы алабаем? – уточнил Сергей.

– Что-то типа того. Когда он подрос, из него злоба так и поперла. Агрессировал он на меня, понимаешь? Берега совсем потерял.

– А вы его пытались как-то... – Сергей покачал ладонью над столом. – Ввести в рамки? Объяснить ему правила общежития?

Забелин хмыкнул:

– А ты как думаешь! – Разговорившись, он незаметно для себя перешел на «ты». – Все как о стенку горох. Я ему подзатыльники отвешивал, будто деньги клал в копилку, – надеялся, что рано или поздно накопится побольше и количество, так сказать, перейдет в качество. Бесполезно. Матери моей через слово хамит. А ведь весь дом на ней. Она на кухне возится с утра до вечера, всю свою пенсию тратит, чтобы этим двоим купить что-то повкуснее. Мальчишки для нее – свет в окне. Когда мы купили дачу, мать на огороде не разгибалась: огурчики, помидорчики, зелень всякая... С вот такой спиной ходила. – Забелин нарисовал в воздухе сугроб. – Думаешь, ее хоть кто-то, кроме меня, поблагодарил? Не-а! Приняли все как должное. А учится Егор как? Из-под палки! В началке я и бабушка занимались с ним по очереди. Часами сидели над прописями. – Он непроизвольно сжал кулаки. – Не хочет человек учиться, что ты с ним ни делай! А главное, никакой благодарности не испытывает, все принимает как должное. Я в его возрасте на мать был готов молиться. Потому что понимал: пашет в хвост и в гриву, чтобы вывести меня в люди. Я безотцовщина, она со мной билась одна. Еще и времена такие были... непростые. Если бы мать мне в детстве дала подзатыльник, я бы задумался: что я делаю не так? Где я неправ? А этому хоть бы хны!

Бабкин был уверен, что Забелин не ограничивался одними подзатыльниками. Причина, по которой Егор сбежал из дома, лежала на поверхности.

– Юрий, как вы считаете, куда мог уйти ваш сын?

Сергей открыл блокнот и сделал вид, что готовится записывать.

Он не раз замечал, как сильно на свидетелей воздействует тот факт, что кто-то взял на себя труд терпеливо перенести их слова на бумагу.

Забелин выпрямил спину, закусил губу. Взгляд его сделался сосредоточенным. Он уже отвечал на этот вопрос, но сейчас перед ним сидел человек, ловящий и документирующий каждое его слово.

Больше всего Сергея поражало, что диктофон не оказывал такого эффекта.

– У Веры он не может прятаться. Она бы мне сказала.

– Вера – это?..

– Шурыгина. Она как вторая мать мальчишкам. Вторая только хронологически, а если говорить про моральные качества, уж точно лучше, чем первая. Егор к ней бегал со всеми своими бедами. Но в последнее время и Вера от него на стену лезла. Должно быть, у кого-то из своих приятелей отсиживается, больше нигде.

– У Егора есть какие-то особые приметы?

– Шрам на левом предплечье, он в детстве упал с дерева. И правая ладонь прокушена – собаку дразнил, она цапнула.

Сергей спросил, не случалось ли за последнее время у Егора конфликтов в школе, не играл ли он больше обычного на компьютере или в торговых центрах за игровыми автоматами; осторожно затронул тему употребления алкоголя или наркотиков. На все вопросы Забелин отвечал отрицательно. Своего компьютера у Егора нет, приставки и подавно; карманных денег ему выдают в обрез, так что просаживать в автоматах нечего; ни пьяным, ни обкуренным Забелин сына не видел.

Сергей записал показания Юрия. Тот уже поглядывал на часы, и у Бабкина создалось впечатление, что побег сына представляется Забелину не несчастьем, а чем-то вроде досадной помехи, неприятного сбоя в привычном течении жизни.

Он чувствовал: Забелин недоговаривает. Парня он бил, это ясно. Рассказывать об этом не хочет, скрывается за эвфемизмами типа «поучил». Но есть что-то еще.

– Я могу побеседовать с бабушкой Егора? – спросил Сергей.

Забелин не успел ответить. Дверь открылась, и на пороге появился подросток в серой куртке, похожей на шинель, джинсах и легких тряпичных кедах.

– Лень, я убегаю, налей чаю человеку, – попросил Забелин и обернулся к Сергею: – Может, Леня тебе чем-нибудь поможет. Он у нас головастый парень.

Юрий потрепал сына по макушке, и лицо его заметно расслабилось.

«Ага, это у нас гордость семьи», – сообразил Сергей.

Леня поздоровался с гостем, сгрузил на пол огромный рюкзак и вежливо попросил подождать на кухне – он помоеет руки и сразу вернется. Его речь была излишне книжной, но сам мальчишка показался Бабкину живым и любознательным.

Пока тот заваривал чай, он разглядел его как следует.

Темные джинсы, голубая рубашка – очевидно, школа не требовала строгой формы для учеников. Высокий, худощавый. Волосы не темные, как у Егора, а русые: спадают локонами до плеч, обрамляя тонкое лицо с прямым носом. Его портило отсутствие подбородка, но заметить этот недостаток можно было лишь в профиль. Сергей невольно подумал, что в его школьные годы мальчишку с такой прической лупили бы каждый день.

Леня не производил впечатление забитого. Он держался с достоинством, смотрел на сыщика не только без страха, но и без тревоги – то ли не беспокоился о брате, то ли прекрасно знал, где Егор и что с ним.

– Как лучше к тебе обращаться? – спросил Сергей. – Леня? Леонид?

– Как вам удобнее, – улыбнулся парень. – Обычно меня все зовут Леней.

– Вы обсуждали с Егором его побег? – спросил Сергей, решив не ходить кругами.

Леня кивнул.

– Егор хотел, чтобы мы удрали вместе, – спокойно ответил он. Присел напротив сыщика, сцепил пальцы в замок и едва заметно склонил голову набок.

«Хоть сейчас пиши портрет молодого аристократа», – подумал Бабкин. Парень не похож на ни отца, ни на мать. Тамару Забелину Сергей еще не видел, но Юрий заверил, что она вернется с минуты на минуту. Бабкин отметил про себя, что мальчишку преспокойно оставили в квартире наедине с чужаком. Удивительно, как в мужчинах вроде Забелина сочетаются подозрительность и легковёрность. «Хоть бы документы у меня спросил, папаша хренов».

Он задумчиво смотрел на Леню, пытаясь понять, как выстраивать беседу.

– Почему Егор сбежал?

Тот несколько картинно развел руками:

– У нас дома бывает очень шумно. Папа часто повышает голос. Бабушка реже, но и у нее случаются плохие дни. Мне, конечно, не понять, зачем люди кричат, когда можно говорить спокойно. Возможно, я осознаю это позже.

Бабкин прищурился. Он издевается? Или это поза?

– Егор перенял эту манеру общения, – продолжал Леня. – Но она ему, как бы выразиться, не совсем органична. Понимаете, о чем я?

– Пока мне кажется, что в вашей семье ты – первый кандидат на побег, а вовсе не Егор, – откровенно сказал Бабкин.

Леня непонимающе взглянул на него и расхохотался.

– Напрасно вы так думаете! Вы играете в бильярд?

– Немного, – удивленно сказал Сергей.

– Егор, папа и бабушка похожи на бильярдные шары, которые постоянно сталкиваются. Я мог бы привести пример из физики, но эти однополярные частицы уже навязли в зубах. А главное, частицы не издают такого звука: БАХ! – Он громко хлопнул в ладоши. – Они не могут остановиться, катятся по столу, но каждый раз, когда один шар налетает на другой, БАХ неизбежен. Потому что они сделаны из одного материала.

– А кто ты в этой метафоре? – поинтересовался Бабкин.

– Я? – Казалось, Леня всерьез задумался. – Я хомячок, который сидит на бортике и наблюдает за движением шаров, но больше всего хочет вернуться в свою уютную коробку с опилками и колесом.

Бабкин решил, что парень его дурачит. Какой подросток всерьез сравнит себя с грызуном!

– Хотя откуда взяться хомячку в бильярдном клубе, верно? – продолжал Леня. – В общем, не знаю. Наверное, я тоже шар, только поролоновый.

– Леня, тебе известно, где может быть Егор?

Тот отрицательно покачал головой:

– Он мне не сказал.

– Как ты думаешь, почему?

– Наверное, как раз на такой случай, – улыбнулся Леня. – Если со мной станет разговаривать кто-то вроде вас. Чтобы я не проговорился. Или чтобы бабушка с папой меня не жаловили.

– А предположения у тебя есть? Ты ведь прекрасно понимаешь, что он может оказаться в опасности. К тому же у него нет с собой ни денег, ни теплых вещей.

Леня вскинул на сыщика серые глаза.

– Я уже об этом думал. Знаю только, что у Егора был план, он долго готовился. Если у Егора есть план, значит, о нем можно не беспокоиться.

– В любом плане что-то может пойти не так, – мягко сказал Сергей. – Слушай, я понимаю: Егор умный парень. Но вдруг в его расчетах была ошибка? Давай подумаем вместе, где он мог спрятаться...

Но все его уговоры ни к чему не привели.

Сергей переключился на школьные конфликты, на возможное употребление наркотиков. Леня пожал плечами:

– Нет, ничего такого. Я бы знал. И насчет игромании тоже ерунда. Егор ни во что подобное не впутывался.

Вид у него был самый чистосердечный. Сергей ему, пожалуй, верил – в том, что касалось злоупотребления веществами. Но в чем-то парень врал, это он чувствовал нюхом сыщика. «Отец врет, сын врет... Интересно послушать бабушку».

– Можно взглянуть, как вы живете с Егором? – спросил Сергей.

– Да, пожалуйста.

Эта комната была самой живой, но и в ней чувствовался странный, едва уловимый дух сиротства. Вещи убраны по местам – Сергей догадался, что отец вымуштровал обоих сыновей. Егор наверняка разводит бардак, этот парень просто не способен поддерживать порядок, то ли дело его брат...

– Я правильно понял: Егор сбежал из-за постоянных ссор с отцом? – спросил Сергей.

И по едва заметной паузе перед ответом понял, что сейчас ему солгут.

– Да, – кивнул Леня, слишком простодушно глядя сыщику в глаза. – Я так и сказал...

«Чуть-чуть перегнул ты с искренностью, парень».

Бабкин прошел по комнате, сел на стул, огляделся. Письменный стол один на двоих, с двумя рабочими местами. Шторы того цвета, который называют даже не серым, а сереньким. Все немаркое, неяркое. Только обои вокруг кровати пестрят рисунками, небрежно приклеенными кусочками скотча.

Сергей подошел поближе, чтобы рассмотреть их.

– Ух, как здорово!

– Спасибо, – вежливо отозвался Леня.

Бабкин мгновенно почувствовал, что парень напрягся. Поэтому он задержался, внимательно разглядывая рисунки.

Здесь были сложносоставные роботы, драконы, гигантские пиявки с метровыми зубами в багровой пасти, – вся та дребедень, которой мальчишки испещряют десятки страниц в школьных тетрадях. Но встретились и семейные зарисовки. На них Бабкин и сосредоточился.

Американские горки: в вагончике несутся с обрыва Егор и Леня, разинув рты от ужаса, между ними их мать – короткие волосы поднялись дыбом.

Пикник на берегу реки, из которой высовывает голову лох-несское чудовище. Егор колотит мяч о дерево, Леня рыбачит, женщина расставляет тарелки по клетчатой скатерти.

Они втроем на велосипедах едут среди цветущих полей, ни одного человека вокруг, только птицы летают над полем.

Все это было нарисовано легко, словно играючи, и движения схвачены точно и наблюдательно... Но сами рисунки показались Бабкину калькой со слащавых открыток, где счастливая семья сидит за столом вокруг жареной индейки, а под столом чешет лапой за ухом милый песик.

«Ну какая индейка в России, ей-богу! Да еще и запеченная целиком. Все это не из нашей жизни».

Многорукие роботы были более убедительны, чем трогательные семейные сценки, в которых не нашлось места ни отцу, ни бабушке. Братья на рисунках выглядели подростками, но их мать осталась такой, какой они запомнили ее: пухлой, с густой челкой и веселыми ямочками на щеках.

Сергей почувствовал острую жалость к мальчику, стоявшему за его спиной. Но что он мог ему сказать? «Дружок, твоя мама жива, она провела без тебя десять прекрасных лет»? «Она сбежала от той самой жизни, которую ты с упоением рисуешь»?

Бабкин кивнул на кровать:

– Твой этаж какой?

– Я сплю наверху, – с готовностью ответил Леня. Казалось, он вздохнул с облегчением, когда Бабкин отвлекся от его картинок.

Сергей согнулся почти пополам и осторожно присел на нижнюю кровать. Убедился, что она не проломится, скинул ботинки и лег.

В метре над ним голубел «второй этаж». Производитель позаботился выкрасить днище в нежный оттенок. Сергей прикоснулся к беловатому прямоугольнику над головой. Здесь была приклеена фотография...

– Леня, можно тебя на минуту?

Парень подошел, и Бабкин показал на прямоугольник:

– Чье фото здесь было?

И снова Леня замешкался, прежде чем ответить. Похоже, до Сергея никто не обратил внимания на этот след.

– Одной девушки из нашего класса, – сказал наконец Леня. – Я не хотел бы называть ее имени.

– Нет уж, назови, пожалуйста.

Парень сдался на удивление быстро:

– Таня Бортник. Только она ничего не знает!

Бабкин занес ее имя в блокнот.

– С кем в школе дружит Егор?

– Я не уверен, что можно назвать эти отношения дружбой... – начал Леня. – В принципе, Егор со всеми легко сходится. Кроме тех, с кем сразу же сцепляется, – без улыбки уточнил он. – Я, правда, уже называл эти имена...

– Назови, пожалуйста, еще раз.

Всего четыре фамилии. «Кротов, Данченко, Роговский, Лихачев», – записал Сергей.

В двери провернулся ключ. Бабкин поблагодарил Леню за помощь, поднялся и вышел в прихожую, где разувалась немолодая женщина.

– Тамара Григорьевна? Здравствуйте, меня зовут Сергей.

Юрий Забелин сел в машину, пристегнулся, положил руки на руль и заметил, что пальцы мелко дрожат. Он бы выпил, но ведь по закону подлости нарвется на сволочей... Останется без прав.

В середине разговора он почти расслабился. Но потом уловил во взгляде волонтера недоверие, и страх вернулся.

– Это не он, это совершенно другой человек! – вслух сказал Юрий в закрытой машине. Голос звучал пискляво и неуверенно.

Он стащил шапку, бросил ее назад. На заднем сиденье валялись пустые бутылки из-под воды, пакеты, шарф, надорванные упаковки с чипсами... Юрий не любил возить сыновей в своей машине. В Москве в любую точку можно добраться на общественном транспорте, нечего использовать отца как извозчика. Мать всегда садилась вперед, и на пассажирском месте было чисто.

– Другой человек, – повторил он, понемногу успокаиваясь.

Того, кто передал Юрию портфель, волонтер напоминал только неторопливым спокойствием, какой-то экономностью и выверенностью движений. Тот был и габаритами поменьше... Да и в чертах лица ничего общего. У этого нос переломан, глаза почти черные. А у того нос был прямой, даже с горбинкой, и глаза то ли голубые, то ли серые. И усы! Точно, усы.

Он нанизывал отличия одно за другим, как разноцветные колечки. Страх держал всю эту конструкцию, но понемногу скрывался за ними.

«Никто ничего не знает».

Юрий подумал о тайнике. Даже если волонтер перероет всю квартиру, он ничего не найдет. Снова одернул себя: что за чушь! Зачем ему устраивать обыск!

К тому же столько времени прошло. Все давно забыто.

Правда, сам Юрий помнил события того дня слишком хорошо. Как и все, что за ними последовало.

Он приехал с инспекторской проверкой на площадку, где строительная компания должна была приступить к возведению многоэтажного дома. В его задачу входило только взятие проб воды и грунта. Все шло как обычно. Насчет проб у него практически не было сомнений. Свалку химических отходов убрали с этого участка всего два года назад. Слишком маленький срок.

Застройщик отозвал Юрия в сторону. «С вами тут хотят поговорить...»

Юрий уже после понял, что к нему долго присматривались. Два тертых мужика, один попроще лицом, колхозник колхозником, другой посложнее – как раз тот, что с горбинкой. Колхозник и одет был соответственно. А второй был в пальто в елочку и шегольских ботинках с желтыми шнурками. Отчего-то шнурки Юрию запомнились лучше всего остального.

А решения-то у них принимал колхозник. Это Юрий тоже сообразил не сразу, только по прошествии времени. И он же приглядывался к Юрию, взвешивал.

«Мы завтра улетаем из страны. Не успеваем передать документы вашему начальству, а это дело срочное. Передайте их вы, пожалуйста. Не безвозмездно, разумеется. Завтра утром они как раз будут готовы. Вы же знаете, Юрий, на прием к нему надо записываться за две недели... Важный человек!» – Горбинка подмигнул и даже засмеялся – тепло так, уважительно.

«Занятой», – уронил колхозник. Кажется, это было единственное слово, которое он произнес за весь разговор.

Вот так просто, не скрываясь. Эта простота Юрию импонировала. Вы деловые люди, мы деловые люди... Зачем долго ходить вокруг да около? Тем более они так хорошо его просчитали. И ведь точно определили, что он не откажется!

Но теперь, сидя в подержанном «Опеле», Юрий думал, что все пошло наперекосяк именно из-за того, что он согласился.

Глава 3

Егор Забелин проснулся рано. Не сразу понял, где находится, и только увидев печь, возле которой под перевернутой старой корзиной были сложены дрова, все вспомнил. Накануне Севостьянов учил его, что в доме всегда должны быть дрова на следующую растопку. Даже если снаружи все отсыреет, Егор сможет прогреть комнату.

Егор про себя хмыкнул. Зачем ему дом! Самое смешное, что и самому Севостьянову дрова тоже на фиг не сдались: у него газовые трубы по всем комнатам. Зачем он вообще топит печь? Хотя запах такой, что нюхал бы и нюхал. И на огонь приятно смотреть. Севостьянов ему вчера скамеечку маленькую поставил перед топкой. Егор на ней часа два торчал как дурак. Сидел и пырился в стеклянную дверцу. В конце концов неудобно стало перед дедом – подумает еще, что приютил слабоумного.

Севостьянов похрапывал в соседней комнате. Егор оделся и вышел в сад.

Деревья как будто светились в утреннем солнце. В городе он такого никогда не видел. Скрученные сухие листья под ногами походили на сигары. Егор дошел до калитки, осторожно выглянул наружу. Все это время он боялся, что вот-вот увидит отца. Отец не ходит как все нормальные люди, а прет напролом, словно пробивает одну невидимую стену за другой.

Но никого не было.

Воздух холодный, свежий и сладкий, как мороженое. И тихо... Только со станции иногда доносится вскрик электрички – высокий, требовательный, точно голос билетерши, или как там называют этих вредных теток в зрительном зале... Капельдинеры, что ли.

Вера раньше часто таскала их с Ленкой по театрам. Егору больше всего понравилось представление, в котором Джульетта на балконе вдруг стащила с себя платье и осталась в чем мать родила. Ух и сцена! Он даже вскочил, чтобы все рассмотреть. И бинокль у Веры выхватил. Вера тоже вскочила, отняла у него бинокль и вывела их с Ленкой из зала. До самого дома талдычила про дешевые приемчики и потакание низменным инстинктам толпы.

Егор быстро озяб и, поеживаясь, вернулся в дом. Прав был старикан, когда говорил, что идет похолодание. Вчера вечером Севостьянов порылся в кладовке и достал куртку и ватные штаны. В штанах Егор утонул. А в куртке можно было жить, как в палатке. Стало ясно, что придется вернуться домой за теплыми вещами. В конце концов он вытащил за хвост из груды шмотья длинный шарф в красно-белую полоску. Севостьянов взглянул странновато, но кивнул: бери.

– Какие планы? – спросил за завтраком Севостьянов.

– Съездить надо кое-куда... – уклончиво ответил Егор.

Севостьянов покосился на него, но промолчал.

В таком деле, как у Егора, доверять никому нельзя. Особенно взрослым. Он однажды положился на Веру, которая постоянно твердила, что мальчишки могут прийти к ней с любой бедой, – и что из этого вышло?

– Сахару надо купить, – сказал Севостьянов.

Еда у старикана простецкая. Черный чай из здоровенных кружек да бутерброды на подсохшем хлебе. Но Егору казалось, что ничего вкуснее он в жизни не ел.

В субботу, когда он постучался к Севостьянову, старикан первым делом посадил за стол, навалил полную тарелку отварной картошки с тушенкой и сунул вилку в руку. Егор, как ни крепился, был весь в слезах и соплях. Он до последнего верил, что Ленка свалит вместе с ним. Да и намылкался по электричкам с бесконечными пересадками, запутался, не в ту сторону уехал поначалу, устал... Но запах над тарелкой поднимался такой, что он вздохнул и накинудся на еду.

Севостьянов его ни о чем не спрашивал. Только один вопрос задал:

– Записку своим оставил?

Егор торопливо закивал. Записку он действительно оставил, под хрустальной вазой, которую мама любила. Помнить этого он не мог. Просто сочинил для себя, что любила, и старательно поверил в собственную выдумку. Ваза и правда красивая, особенно когда на нее падает солнечный свет. Цветов отец в ней, естественно, не держит, и если бы однажды он сунул в нее какие-нибудь розы или гвоздички, Егор решил бы, что папаша спятил.

Егор залез на шкаф, снял вазу, стер с нее пыль. И поставил на листок бумаги, вырванный из тетради.

«Жить с вами больше не хочу. Искать меня не надо, у меня все в порядке. Позвоню через месяц».

Нормальный текст. Егор кучу бумаги перевел, пока придумал его. Вышло сдержанно, повзрослому, – в общем, достойно.

После завтрака Севостьянов закрылся в сарае и стал колдовать со своим агрегатом. Егор собрался, обмотал горло шарфом, сунул фотографию мамы в нагрудный карман. С бумажной карточки мама смотрела как живая: бровки вразлет, на щеках ямочки. На шее серебряный кулон, большой и толстый, размером с карманные часы. Бабушка однажды листала фотоальбом и вдруг брякнула, что этот кулон выглядит на маме как ярмо на корове. Егор взбесился и наорал на нее. Такого наговорил, что прибежавший отец отхлестал его ремнем.

Фотография мамы, конечно, была и в телефоне. Но телефон Егор оставил в квартире. Не дурак же он совсем! По нему отследить человека – дело двух часов.

Он сунул в рюкзак бутерброд, застегнул молнию. За спиной проскрипели половицы: из сарая вернулся Севостьянов.

– Тебя к вечеру ждать или как?

– Ждать, конечно, – вскинулся Егор. – Куда я денусь...

– Ну, мало ли. Ты у нас парень загадочный.

Егор криво ухмыльнулся.

– К ужину точно вернусь.

.....

Маршрут до мордовинского дома Егор проложил еще за неделю до побега, а потом переписал в тетрадочку и стер из истории браузера. На платформе, дожидаясь электрички, он запоздало сообразил: надо было попросить запасной телефон у Севостьянова. Наверняка у него какая-нибудь старая трубка валяется в загашнике. И симку старикан мог бы купить для него.

Но кому звонить?

Вере, чтобы она его опять заложила? Набрать бы Леньку, но Ленька и без него прекрасно себя чувствует. Валяется сейчас на диване, черкает в планшете... Или, по старинке, карандашиком в альбоме, как он любит.

Не нужен Егору телефон, если разобраться.

Потому что сам он тоже никому не нужен.

Электричка подъехала полупустая. Конечно, прикольно, когда едешь один. Но однажды в пустом вечернем трамвае до Егора докопалась подвыпившая компания. Он уже думал, что отменят. На его счастье, в вагон вошла старая бабка. Едва поняв, что происходит, карга подняла такой хай, что Егоровы противники выскочили на ближайшей остановке. Егору до сих пор было стыдно за то, что не поблагодарил каргу: ехал себе с независимым видом, как будто происходящее его не касается.

Если бы на месте карги оказалась его родная бабушка, черта с два она вступилась бы за незнакомого пацана! Забралась бы на сиденье повыше, устроилась поудобнее и наблюдала за мочиловом. Еще, может, в ладоши бы похлопала.

В бабушке Егор всегда чувствовал какую-то детскую тягу к зрелищам. Хотя вон тебе телевизор, сто двадцать программ.

Он вспомнил, как насторожилась бабушка, застав его листающим отцовский блокнот. Егор прикинулся дурачком. Ляпнул, что нашел книжечку на полу, выпала из ящика, наверное. Другого объяснения в тот момент в голову не пришло. Бабушка блокнот отобрала и куда-то перепрятала.

Егор успел сфоткать на сотовый все что нужно. Спасибо отцовской скрупулезности: всегда все записывает! На их с мамой свадебной фотографии вывел печатными буквами: «*Нина и я, свадьба, июнь 1994*». Егор, когда увидел, ржал как ненормальный. «Нина и я», очуметь! Как будто папаша боялся забыть, что на фотке именно он.

О том, что в день исчезновения мамы отец был с двумя приятелями, они с братом знали с детства. И бабушка об этом упоминала, и Вера.

Товарищей у отца не то чтобы много. Егор вытащил фотоальбом с антресолей, пролистал и нашел искомое: отец, в куцем пиджачке и при галстуке, стоит между двух взрослых парней, обнимая их за плечи. Один – рыхлый, в спортивном костюме, скалит лошадиные зубы в камеру. Второй – крепенький, с раскосыми зенками, как монгол, в джинсах и рубашечке в обликпу – ухмыляется и показывает средний палец фотографу. С обратной стороны снимок был подписан в отцовском духе: «Паша Колодаев, я, Рома Мордовин, лето 1991».

Дальше – просто. Найти записную телефонную книжку. Отец никогда ничего не выкидывает. Весь устаревший ненужный хлам хранится этажом выше. Целая комната под него отведена! Как будто бабушка делит жилье с дряхлым соседом, никогда не покидающим спальню.

Егор забежал в квартиру, когда бабушки не было. Открыл своим ключом. Обычно бабушка на рынок уезжала на полдня: пока на трамвае туда доплюхает, пока обратно, а главное – часами прогуливается среди рядов, как по парку с клумбами. Это посмотрит, то понюхает, здесь потрет, там пощупает, полается с продавцами – она умеет выводить их из себя, Егор это много раз наблюдал. Взбесит какого-нибудь восточного бородача с кинзой, чтобы тот прикрикнул на нее, а потом охает: «Негодяи какие! Старого человека обидели!» Съезжится, ссутулится, голову в плечи втянет, как черепаха, – реально старушка!

Даже Егор одно время покупался на отцовское «надо бабушке помочь с тяжелыми сумками». Ненавидел с ней на рынок таскаться – а куда деваться-то! Леньку на это дело не подряжали, он, типа, хрупкого здоровья. Ну, это правильно. Леньке надо пальцы беречь.

А потом до Егора дошло, что для бабушки это все – развлечение. И помощь ей никакая не нужна. Она при желании эту сумку с мясом и творогом может на двести метров зашвырнуть влегкую. И бородача следом. Силушка у нее нехилая. Кошелку, которую Егор тащит двумя руками, бабушка поднимает указательным пальцем. В цирке бы ей выступать с такими талантами.

Когда Егор все это прочухал, отказался помогать наотрез. Тяжело с рынка продукты нести? Закупайся в «Пятерочке», она в соседнем доме.

Огрел очередную взбучку от отца.

Правда, она не шла ни в какое сравнение с той, которую ему устроили из-за «Феррари».

Идея набить татушку не приходила Егору в голову до тех пор, пока отец за ужином не сказал, что татуировки делают только шлюхи и дебилы. Егор вскинулся: а как же Полина Карповна?

Карповна вела у них физру. На предплечье у нее была набита панда, которая лезет вверх по бамбуку.

По лицу Ленки Егор сразу понял, что ляпнул лишнего, и пытался перевести разговор на другое. Вспомнил барменов в кофейне, куда они с Ленкой забежали за пончиками. Да любого рэпера возьми! Он без татух и человеком-то не считается. Но отец разорался, что тупые мужики, разливающие кофе в тридцать лет, ему не указ, а рэперы – больные люди, их нужно лечить по психушкам.

На следующий день отец притащился к директору. Заявил, что они тут в школе допускают к преподаванию кого попало. И как будто этого было мало, накатал заявку в Управление образования: «Требую уволить Коростылеву П.К. за моральную распушенность, не совместимую с почетным званием педагога».

История о мужике, который потребовал увольнения физручки, стала быстро известна всем в школе. На перемене старшие пацаны в раздевалке болтали о какой-то тетке, которая бьет татушки всем подряд. Егор, сам не зная зачем, спросил, где она работает.

Мысль о татуировке засела как заноза. Карповна теперь носила футболки с длинными рукавами, и хотя вела себя так же, как и прежде, – шутила, играла с ними в пионербол, – Егор боялся смотреть ей в глаза.

Он принялся фантазировать, какой рисунок набьет, когда ему исполнится восемнадцать. Долго думать не пришлось. Конечно, гарцующий жеребец, эмблема «Феррари». Черный конь – символ скорости, победы и силы.

Месяц спустя Егор вышел из школы и, вместо того чтобы дождаться брата, неожиданно для себя побрел куда глаза глядят. Очнулся в соседнем районе, и в глаза ему бросилась грязная вывеска тату-салона.

Он спустился в подвал, только чтобы посмотреть!

Тесная комната с красными стенами, по которым развешены фотографии татуированных частей тела. Кушетка, стул, яркая лампа. На кушетке сидела коротко стриженная толстая женщина неопределенного возраста. Она подняла на Егора странно расфокусированный взгляд и кивнула на кушетку: «Ложись».

Он чувствовал: с женщиной не все в порядке. Но молча выполнил ее указания. Слишком сильно его поразила мысль, что не нужно ждать до восемнадцати лет. Женщина вела себя так, словно все правильно. Спросила, какой рисунок он хочет и где именно. Егор показал в телефоне эмблему, ткнул в предплечье и приготовился терпеть.

Было не так больно, как он ожидал. Но все равно к концу сеанса Егор ужасно устал. Женщина сунула ему пластиковый стаканчик с красной бурдой; оказалось – вино. Через час Егор изрядно окосел. Он то и дело поворачивал голову, чтобы взглянуть на предплечье, где жужжало и жгло, но женщина прикрикивала на него, и он снова отворачивался. Он даже не знал ее имени.

Наконец его отпустили. Егор старательно искал в себе радость, однако его лишь подташнивало и одновременно очень хотелось есть. Толстуха назвала сумму. С изумившим его самого спокойствием Егор сказал, что у него сегодня с собой нет, принесет завтра. Та равнодушно кивнула и исчезла за маленькой дверцей, открывшейся в стене как по волшебству.

Татуировка была чем-то помазана и сверху закрыта пленкой.

Вечером его знобило, но наутро он встал как новенький. Сняв пленку, Егор рассмотрел рисунок в зеркале. Конь был совсем маленьким и выбит не сплошным рисунком, а силуэтом. «Как будто он внутри пустой», – огорчился Егор. Правда, тут же подумал, что его всегда можно заштриховать у другого мастера. К толстухе возвращаться не хотелось.

Он похвастался татуировкой только Ленке. Два дня был самым счастливым человеком в мире. Еле сдерживался, чтобы не расхохотаться отцу в лицо. Заяву в роно накатал, значит? Ну и как тебе такое под самым носом?

Татуировка здорово чесалась, а на третий день покраснела и распухла. Кожа поднялась каким-то валиком, стала бугристая и неприятная на вид. На четвертый день заныла вся рука, и Егор здорово перепугался.

– В поликлинику надо идти, – сказал Ленька.

– Чтобы они меня отцу сдали?

– А ты хочешь, чтобы тебе руку отрезали?

Они долго переругивались, рука ныла все сильнее, и перспектива ампутации уже не казалась шуткой... Как вдруг Егор сообразил:

– Вера!

Они обрадованно уставились друг на друга.

Вера – медсестра! Учила их правильно мыть руки с мылом и делала им уколы, когда они один за другим свалились с лакунарной ангиной. А еще витамины им колет по весне, больнящие!

«Вы всегда можете прийти ко мне с любой проблемой», – повторяет Вера. Как это он сразу о ней не подумал!

Увидев татуировку, Вера переменялась в лице.

– Только отцу не говори, он меня убьет! – умоляюще сказал Егор.

Самоуверенность последних дней испарилась. Теперь он больше всего боялся, что отец узнает.

– Что ты наделал? Господи, она же воспалилась!

Вера не стала сама обрабатывать татуировку, а потащила Егора к знакомому врачу. Потом ему сделали уколы в руку и в попу и стали допытываться, кто набил рисунок... Егор попытался схитрить, но Вера с неожиданной силой тряхнула его за плечи.

– Сейчас же отвечай, где ты это сделал! Иначе все расскажу отцу!

Вера – загнанная лошадь. Бабушка так говорит. Если присмотреться, лицо у нее действительно похоже на добрую лошадиную морду: длинное, с большими карими глазами. Еще и зубы немножко выдаются вперед. Но сейчас от доброты не осталось и следа. Егор видел, что она жутко разозлилась, и ему стало не по себе.

Он выложил все: и про толстуху в подвале, и про то, как нашел ее, как пил вино из пластикового стаканчика... После этого Вера должна была успокоиться. Он же выполнил ее требование!

Вместо этого она отправилась напрямик в отделение и накатила заяву. Предательница!

Поднялся страшный шум. Толстуху отыскали, возбудили дело... И, разумеется, все дошло до отца.

Егор потом спросил у Веры: «Как же так? Ты обещала, что не будешь ему ничего говорить...» «А я ему ничего и не говорила», – ответила Вера.

Егор даже опешил от такой наглости. Ну да, конечно! Отцу она действительно ничего не говорила. Ему полицейские сказали, когда заявились прямо к ним домой.

Отец сначала орал, что татуировку сотрет с него наждаком. Егор огрызнулся и получил в зубы. Впервые в жизни у него отобрали телефон и планшет – на целых два месяца! Бабушка стала звать Егора зэком. Всем соседкам рассказала, что он теперь татуированный. Дети в него разве что пальцем не тыкали, когда ехали в одном лифте, да и взрослые тарасились, будто на уродца из кунсткамеры.

Отец разузнал, как можно свести татуировку. Но сначала у Егора заживала рука, а потом вороной конь почему-то расплылся и приобрел сходство с инфузорией-туфелькой. Даже на татуировку не похоже – скорее, на след от ожога, обведенный ручкой. «Я на тебя ни копейки из семейных денег не потрачу! – сообщил отец. – Ходи с наколкой! Пусть все видят, что ты за человек. На тебе теперь черная метка, понял?»

Вера сказала Егору, что он легко отделался. Егор понурился, наклонил голову, тяжело вздохнул для убедительности. И Вера купилась как миленькая. Даже по макушке его погладила и добавила, что не сердится на него.

Не сердится?! Она его подставила – и теперь не сердится?!

.....

Странички из отцовской записной книжки, которые Егор сфотографировал, он переписал в тетрадь. Фотографию удалил.

Теперь у него были адреса.

Может, конечно, эти двое там давно не живут, но Егор надеялся, что ему повезет.

Он ехал к Роману Мордовину. Днем тот на работе, как все нормальные люди. Значит, будет возможность спокойно все осмотреть.

Что такое это «все», Егор старался не задумываться. Он как будто поставил себе точку на карте: «Дом Мордовина» – и направлялся к ней. Главное – добраться.

Потому что там отец с друзьями спрятали тело мамы.

Не в самом доме, конечно. Закопали где-нибудь поблизости.

«Какие у тебя планы...»

«Посадить отца за убийство. Вот какие планы».

От станции Егор доехал на автобусе. От остановки шел пешком минут пятнадцать. Сбился только один раз: повернул на перекрестке не в ту сторону, но быстро спохватился и вернулся на правильный маршрут.

Чем ближе он подходил, тем сильнее колотилось сердце. Представлялось почему-то, что за домом будет старый раскидистый дуб, а под дубом густая трава, и в ней цветы – маленькие, вроде маргариток. И он сразу поймет, что маму похоронили здесь.

«Какая еще трава, дебил! Не сочиняй».

Когда вдалеке показался коттедж из серого кирпича, Егор вздрогнул и остановился.

В Гугл-мэпс он уже видел этот дом. Двадцать восьмой по Яблоневоу улице. А сюда он дошел по переулку Радости. Что за псих им названия дает...

Коттедж был окружен редкой изгородью, выкрашенной в голубой цвет. Егор вытер взмокшие ладони, поправил лямки рюкзака. Посмотрел по сторонам, убедился, что очевидцев нет. Приблизился к калитке. Возиться с крючком не стал, просто перемахнул через забор. И быстро, не оглядываясь, пошел на задний двор.

Первый удар настиг его, когда на заднем дворе он не увидел дуба.

Егор так здорово вообразил этот дуб, что отсутствие дерева его поразило. Это было... неправильно.

Все было неправильно!

Участок вокруг дома оказался совсем небольшим и каким-то плешивым. Здесь не росло даже яблонь, которые обещало название улицы. Только две лысоватые, как грифы, туи зеленели возле ограды. Под навесом Егор рассмотрел сложенные шезлонги, канистры с омывайкой, шланги и верстак с инструментами.

«Дебил, – снова сказал себе Егор. – А ты думал, что они ее зароят и поставят сверху табличку? Или, может, могильный камень, чтобы удобнее ее отыскать? Конечно, они ее спрятали...»

– Эй, ты!

От резкого оклика Егор обернулся и едва не подпрыгнул. От задней двери дома к нему быстро шел Роман Мордовин в спортивном костюме.

Мордовин, конечно, здорово постарел и завел глупую растительность на щеках, но вид у него был все такой же хищный, как на фото, хоть и несколько потертый. Как будто тигра держали в клетке и плохо кормили.

– А ну пошел отсюда! – заорал Мордовин. – Проваливай, я кому сказал!

С Егором, растерянно замершим на месте, что-то случилось. Все шло не так, как должно: не было ни дерева, ни маминой могилы, и проклятый Мордовин отчего-то оказался дома, а не на работе, чего Егор никак не ожидал, – но в нем вдруг толкнулась сильная злость, как чугунная баба, бьющая в стену, и под этим ударом страх и неуверенность Егора рухнули. Его наполнила холодная свежая ярость, точно ветер, гуляющий на месте снесенного дома.

Он так напористо двинулся навстречу Мордовину, что тот замедлил шаг, а потом и вовсе остановился.

– Э! Ты сынок забелинский, что ли? – удивленно спросил Роман, вглядываясь в него.

– Забелинский, – сквозь зубы ответил Егор. Все катилось к чертовой бабушке, не было смысла скрываться.

– А чего тебя сюда принесло?

– Я знаю, что вы сделали вместе с моим отцом в тот день! – выпалил он.

Это было первое, что пришло на ум.

Мордовин дернулся, словно в него выстрелили, и оцепенел. Если у Егора и были какие-то сомнения, они рассеялись в ту же секунду. Перед ним стоял очень испуганный человек. В следующий миг Мордовин взял себя в руки, но было поздно.

– Ты чего несешь-то? – угрожающим полупшепотом начал Мордовин. – Чего ты знаешь!

– Я знаю! – упрямо повторил Егор, сжав кулаки.

– Бред какой-то. – Мордовин не отводил от него взгляда. – Нечего знать, понял?

– Знаю!

Они перекидывались этим словом, будто горячей картофелиной.

– Тебя отец прислал?

Егор не придумал, что отвечать; он не мог понять, как вести себя дальше. Ярость испарилась, и снова нахлынула растерянность. Ну вот раскосый признался – и что дальше? Все было как-то нелепо, скомкано...

«Пусть сам показывает, где зарыли тело», – сообразил Егор. В фильмах раскаявшийся убийца всегда приводил полицию на место, где прятал труп.

Егор открыл рот, чтобы спросить, где могила. Его кольнуло жуткое подозрение: а вдруг мама где-то рядом, прямо у него под ногами? От этой мысли он буквально подпрыгнул.

– Ты чего? Клея нанюхался?

– Роман? – окликнули сзади.

Дернулись оба: и мальчик, и мужчина. Егор непроизвольно отступил на шаг и приготовился драпать.

От калитки к ним приближались двое: толстопузый дядька в кепочке и при нем молодой хлыщ в кожаной куртке, с выбритой мордой.

– Роман? – повторил дядька, подойдя ближе.

– А вам чего надо? – грубо спросил Мордовин.

– Ты машину не продаешь? Вроде бы с тобой по телефону говорили...

Мордовин расплылся в неискренней улыбке и взмахнул рукой.

– Извиняюсь, не сообразил... Пойдемте в гараж.

Троица двинулась к дому. Егор постоял, ощущая себя полным дураком, – и потащился за ними.

В гараже оказался темно-зеленый «Кадиллак Эскалейд». У Егора от восторга екнуло сердце. Казалось бы, последнее, на что он был сейчас способен, – это восхищаться автомоби-

лем, но «Эскалейд» походил на тираннозавра: огромный, мощный, готовый порвать всех на дороге.

Мордовин рассыпался в похвалах своей машине. Кепочка полез под капот, хлыщ обосновался в салоне. Егор крутился рядом и даже получил легкий подзатыльник от Мордовина, когда сунулся под руку Кепочке.

– Сынишка? – Тот потрепал Егора по плечу.

– Племянш, – оскалился Мордовин.

Егор не понимал, как такая роскошная тачка могла оказаться у раскосого в гараже. Мордовин ей не подходил, как плюгавый старый нищий муж не подходит молодой красавице. Похоже, у Кепочки и Хлыща возникли те же подозрения, потому что они стали въедливо расспрашивать, как Мордовин приобрел машину и почему за десять лет такой маленький пробег... Раскосый отвечал уклончиво, хотя по документам, как понял Егор, все было в порядке. В конце концов покупатели ушли, сказав, что подумают.

Мордовин вывел Егора наружу. Вид у него был мрачный. Егор решил, что это, наверное, не первая сделка по продаже машины, которая срывается.

– Чего тебе надо? – Мордовин запер гараж и обернулся к нему. – Ты кто, кстати, Леонид или Егор?

– Леонид. – Он сам не мог бы объяснить, что заставило его соврать. – Расскажите про тот день.

– Про какой день?

– Про пятнадцатое октября две тысячи девятого! – выкрикнул Егор.

Мордовин пожал плечами.

– А что тут говорить... Приехал твой отец, посидели, выпили немного. Дела рабочие обсудили. Вечером разъехались. В протоколе все есть.

«В задницу твой протокол», – чуть не заорал Егор. Какая разница, что там записано, если они наврали, наврали все трое!

– Это все неправда! Где моя мама?

– Мама? – переспросил Мордовин, кажется, всерьез удивившись.

– Да! Что вы с ней сделали?

Лицо у Мордовина поскучнело.

– Не знаю, пацан, чего ты себе напридумывал, но я тебе сказал все как есть. При чем тут твоя мама, вообще не пойму. Чаю хочешь?

Он уже стоял на ступеньках крыльца и равнодушно смотрел на мальчика.

Егор понял, что проиграл. Раскосый успел собраться с мыслями. «Посидели, выпили, обсудили, разъехались». Будет талдычить как попугай.

– Подавись ты своим чаем!

Мордовин наблюдал в окно, как мальчик уходит, сунув руки в карманы.

Что ему известно? Ничего. Не мог Забелин проговориться – он, конечно, кретин, но не окончательный. Если только что-то по пьяни сболтнул, а пацан запомнил...

Чего он хочет? Ну, это ясно: денег. Малолетний урод.

Пятнадцатого октября две тысячи девятого день был солнечный – это Мордовин хорошо запомнил. Осень в том году пришла поздняя, до середины ноября было тепло.

Он вспомнил, как они втроем сидели над раскрытой сумкой. Шторы задернули сразу, как вошли в дом, но было все равно светло, и он видел, какие серые лица у этих двоих. Мятые от страха, точно жеваная бумага. У него, наверное, было такое же.

Позвонить Забелину? Или Колодаеву?

Один тупой, второй трусливый, хуже старой болонки. Он в юности думал, что такие трусы встречаются только в художественных книжках, а в реальной жизни их не бывает. Что украшают товарищи авторы действительность.

Ну, допустим, позвонит он Колодаеву... Тот обмочит штаны от страха и прискачет сюда, ныть и спрашивать, что же теперь делать. Какая от этого польза?

А вот Забелину стоило бы звякнуть. Но их последний разговор закончился так, что даже гадить на одном поле Роман с ним теперь не сядет. Как они тогда не подрались – одному богу известно.

«Ко мне Ленька больше не явится, – рассудил Мордовин. – А на остальных наплевать. Пусть разбираются сами».

Глава 4

– В поликлинику я ходила, – рассказывала Тамара Забелина. – Мне там пяточную шпору разбивали. До того болело – наступить не могла! На прошлой неделе я в Новоспасском монастыре молилась, там есть икона чудотворная, у которой надо просить об исцелении... И в самом монастыре приятно. Бывал ты в Новоспасском монастыре, милый?

Сергей Бабкин сказал, что не бывал.

– Это ты зря. Сходи. Там душа очищается. Но мне икона не помогла. Пришлось в поликлинику. Врач, значит, выписал мне такую процедуру, как будто током по пятке ударяют, аж слезы из глаз...

– Тамара Григорьевна, как вы думаете, где может быть Егор?

Забелина устала на Сергея Бабкина, недовольная, что ее перебили.

– У дружков своих школьных, где еще. Вы за него не переживайте, он получше нас устроится.

– Как же не переживать, когда ребенок ушел и не вернулся?

Тамара поерзала на стуле. Выпуклые темные глаза под иссиня-черной крашеной челкой обежали комнату, словно Егор был тараканом, притаившимся на обоях.

Вместо седовласой старушки, которую ожидал увидеть Бабкин, за столом сидела невысокая, крепко сбитая молодая женщина. Сверившись с записями, он понял, что ошибся: ей было не семьдесят пять, а на десять лет меньше. Перед каждой репликой Забелина выдерживала долгую паузу.

– Да что пропал... Он записку оставил.

На щеках у нее играл яркий здоровый румянец, как у человека, который много времени проводит на свежем воздухе. Над верхней губой темнела полоска усов.

– Расскажите про друзей Егора. И чем он увлекался?

– Про друзей не знаю, он их сюда не водил. Понимал, что ко двору не придется.

– Почему?

– Да ведь приятелей-то каждый по себе подбирает. Значит, они такие же, как Егор.

– А какой Егор?

Она пожевала губами. Сергей заметил, что, несмотря на молодость, повадки у нее старческие. Она кряхтела, садясь. Расколола кусок рафинада щипчиками и пила чай вприкуску. Причмокивала, обсасывая каждый кусочек.

– Мне ведь вам правду говорить надо, да? – после долгого молчания спросила Тамара.

– Желательно.

Она вздохнула:

– Ну, если правду, то записывай. Несносный из него вырос парень. Отцу хамит каждый день, страшно слушать. Меня в грош не ставит, хотя я ему единственная бабушка, других не имеет. Он крупный вырос мальчик... Я просила его помочь мне сумки принести с рынка, а он в ответ такой: не буду на рынок ходить, вон тебе «Пятерочка», там все покупай. А в «Пятерочке» разве творог с рыночным сравнится? А помидоры! И мясо я беру – телятину свежую, парную... Готовлю-то все я, даже школьные обеды Егору и Ленечке с собой собираю. Котлетку там или бутербродик с зеленью сделаю... Ленечка любит, чтобы из специального хлеба.

Она снова тяжело вздохнула.

– И денег Егор постоянно клянчит. А откуда деньги, если только отец работает! Взятки не берет, живем на его зарплату. Моя пенсия вся, считай, на еду уходит. Егор в последний год стал особенно наглый. У Юры работа сложная, нервная. Иной раз до ночи задерживается. Войдет – уставший, лица на нем нет, а Егор на него кидается, как собака на кость: «Дай денег, дай!»

– А карманные у Егора есть?

– Юра всегда подкидывает мальчишкам с зарплаты. Не много, но ведь много-то и не надо, вредно это. Иначе привыкнут с детства, что все легко достается. Не узнают, что за любой копеечкой стоит тяжелый труд!

– У Егора были проблемы в школе?

Тамара замахала на него руками:

– Проблем целая гора! Чуть не выставили его, отец ходил к директору, в ногах у чужих родителей валялся! Егор подрался с их сыном. Ну, как подрался... Поколотил. Там мальчонка-то слабенький, соплей перешибешь. Вроде Ленечки нашего. Зуб ему выбил... – Тамара поморщилась и прижала ладонь к щеке. – Злой он, Егор. Я все пыталась в нем хорошее рассмотреть, думала, вот подрастет – и добавит бог ему ума... Но, похоже, весь ум Ленечке достался. Золотой мальчик! Ты не подумай, я не хвастаюсь! И учится хорошо, и рисует талантливо, и поет – голосок такой, что слезы сами текут...

– Егор и с братом дрался? – спросил Сергей.

Тамара решительно покачала головой:

– Чего не было, того не было. Леньку Егор уважает. Не скажу, что живут душа в душу, но до свары не доходило.

– У него есть друзья в деревне, где у вас дача?

– Да что ты! Он туда бог знает сколько лет не ездил. Я все больше одна выбираюсь. Неудобно там: и дом тесный, и дорога нехороша... Это Юра так говорит, – добавила она, понизив голос. – По мне на даче всяко лучше, чем летом в городе. Ну, если не нравится, зачем я настаивать буду? Он меня, бывает, отвозит на недельку-другую. Но вообще-то я здесь нужна. Вся квартира на мне! В этом году я в мае туда приезжала, правда, быстро вернулась. Что-то комарья развелось – никогда такого не было! Но посадила кое-что... Закрутки делала. У меня лечо получается вкусное. Начальница моя сто лет назад поделилась рецептом. А я тебя сейчас угощу!

Невзирая на протесты Бабкина, Тамара поднялась и, повторяя как заклинание, про рецепт и начальницу, исчезла в коридоре. Хлопнула дверь.

«Что за баба, – раздраженно подумал он. – У нее внук пропал, а она все про свои консервы».

Тамара вернулась очень скоро, оживленная и довольная. Вытащила откуда-то, как фокусник зайца, полиэтиленовый пакет с длинными ушами и принялась устанавливать в нем банки, не переставая при этом хвалить рецепт. Бабкин хотел прервать ее, до того дико выглядело происходящее, но ему пришлось в голову, что у Тамары так проявляется защитная реакция на побег внука. Он промолчал.

– ...В свое время мы с начальницей моей много ездили, – говорила Тамара. – В Китай гоняли, закупались там шмотками! Баулами везли обратно! На рынке торговали. Сначала-то я швеей работала. А потом на месте нашей фабрики возник рынок. Получается, я всю жизнь при вещах. Как вспомню эти баулы... А начальница моя теперь совсем старуха. Силы нет, здоровья нет... Канареек разводит. Красивая была женщина, голосистая! Орала так, что звон в ушах стоял. Я ей по осени всегда привожу перцы, помидорчики...

Тамара наконец управилась с банками.

– Я полотенчико между ними проложила, чтобы не побились. Будешь мимо проезжать, вернешь.

– Тамара Григорьевна, когда Егор был на даче в последний раз?

Она задумалась, шевеля губами.

– Пять, что ли... Или четыре... Да, четыре года назад. Лето тяжелое выдалось, душное – помнишь? Ну, приехали туда. Мальчишки стали ныть. Интернета у них нормального нет, телевизор старый, делать нечего... А чего делать-то – иди вон гуляй, на велосипеде катайся, а

можно в лесок сходить... – Она осуждающе покачала головой. – В телефонах своих сидят, на улицу носа не высунут. Сказать, почему так?

– Почему? – Сергей постарался скрыть отсутствие интереса.

Тамара наклонилась к нему, словно доверяя важную тайну:

– Первые четыре года их Нина воспитывала. Я по дому хлопотала, Юра на работе крутился. А из Нины мать вышла никудышная. В детстве столько всего закладывается! Очень важное время для развития. Это я уж потом узнала. Выходит, мы с Юркой упустили эти годы. Я об этом, конечно, сильно теперь жалею.

– Отчего же вы ей не помогли? – удивленно спросил Сергей.

– Не люблю я мелких. – Тамара сокрушенно развела руками. – Пеленки, коляски... Не мое это. Вот когда они постарше стали, тогда другое дело. Тут интерес у меня появился. Нина померла, а мальчишек на кого денешь? Вот я и возилась с ними с утра до вечера, и так мне это по душе пришлось – сама себе удивляюсь! – Она легко и радостно засмеялась. – Я уже для себя подработку придумала. Когда мальчишки окончат школу, устройюсь приходящей няней в семью. Или в детский сад, чем черт не шутит!

Бабкин про себя отметил, что Тамара не рассказывает правду об исчезновении Нины. «Померла» – и никаких подробностей.

– А мать, когда была жива, просила вас о помощи?

– Это я сразу пресекла! – Тамара строго покачала пальцем перед лицом Сергея. – Нина, конечно, подкатывала ко мне. «Тамарочка Григорьевна, посидите с детьми, мне бы в парикмахерскую сбегать!» Я ей всегда говорила: родила – не жалуйся! Неженок вырастили, страшно вокруг посмотреть. Я с Юркой билась одна. Денег не было, никто не помогал. Крутилась как могла. А у Нины и муж прекрасный, и в доме чисто, и суп на плите – от чего тут страдать? Волосы можно и дома покрасить. Нина знаешь что придумала однажды? Я спустилась к ним в квартиру. Смотрю – мальчишки носятся по коридору как бешеные! Визжат, дерутся... Топот стоит такой, что соседи стучат по батарее. «Нина, – кричу, – Нина, ты где?» Не отвечает! Я перепугалась – уж не случилось ли чего! Вбегаю в комнату, а она сидит носом в окно, на голове наушники. Я их сдернула, отчитала ее по первое число. Что ж ты, говорю, за мать такая! Дети брошены, в доме мамаево побоище! А Нина молчит и смотрит на меня. Не извиняется даже! А в наушниках у нее знаешь что было? Шум такой, забыла, как называется...

– Белый шум?

– Вот-вот, он самый. Я ее спрашиваю: ты нормальная? А она все молчит. Я думаю, у нее что-то с головой было не в порядке. Здоровый человек шум слушать не будет.

– Тамара Григорьевна, кто ваши соседи по даче?

– С одной стороны никаких соседей нету, там сто лет дома заброшены. С другой стороны такой сосед, что лучше бы его не было. Василий. Может, уже отдал богу душу. Пьет много, и человек дрянной. Жену поколачивал, она раньше времени померла. Когда-то приличный был человек, в армии служил, офицером! В старости оскотинился. Соседи справа все боялись, что он по пьяни подожжет дом.

Бабкин еще расспросил ее. Тамара добросовестно отвечала на вопросы, но мало чем могла помочь.

– Я тебе еще вот скажу... – Она понизила голос. – Мы, конечно, с чужими о таком не говорим, потому что позора не оберешься. Но Егор – уголовник.

– В каком смысле?

– Он в шайку вступил. Главари заставляли парней делать наколки. Вроде знака такого, чтобы своих узнавать.

– Может, это была наклейка?

– Какая наклейка! Его лечили после этого! Мы боялись, что он в нашу семью принес гепатит или еще что похуже. Заразит Ленечку...

– Какой рисунок набил Егор?
– Да не знаю я, – сказала она с нескрываемым раздражением. – Мне на нее и смотреть противно!
– Вы не знаете, какая татуировка у вашего внука? – переспросил Сергей.
– Ну, лошадь, лошадь! Что ты ко мне пристал! На руке, вот тут. – Тамара ткнула в левое плечо.
О шайке ей тоже нечего было сказать.
– Вера написала заявление в полицию. Она в курсе, что там у них произошло. С ней поговори.
«А отец ни словом не обмолвился о татуировке».

.....

Выйдя от Забелиных, Сергей взглянул на часы. Начало третьего. Он позвонил Вере Шурыгиной и договорился о встрече.

Шурыгина сказала, что будет ждать его через час в сетевом кафе-кондитерской. Бабкин прикинул: до кафе двадцать минут пешком. Он дошел до метро, купил в окошке у веселого армянского парня кофе и шаурму размером с собачью голову, уселся в сквере напротив и с удовольствием пообедал. Бабушки с внуками недовольно косились на огромного мужика, занявшего скамейку. Ему было все равно. Идти на встречу голодным – хуже не придумаешь. Пирожные и прочую сладкую дребедень он за еду не считал. Бабкин обляпался соусом, уронил на джинсы начинку, но наконец-то почувствовал себя сытым.

Разговор с семьей Забелиных проходил у него по категории неудачных. Все трое что-то скрывали. Ни одного из них Бабкин не сумел нормально разговорить.

Может быть, Вера Шурыгина сумеет что-то прояснить.

Сергей достал ее досье, чтобы освежить в памяти факты.

Родилась в семьдесят четвертом, в Москве. Воспитывалась матерью без отца. Окончила педучилище, потом получила второе образование: медсестра. По словам Нины Забелиной, последние пятнадцать лет ухаживает за больной лежачей матерью. Не замужем, детей нет. Работает в службе социальной помощи.

С фотографии на Сергея смотрела некрасивая девушка с выразительными чертами: тяжелая нижняя челюсть; большие, как сливы, карие глаза с нависающими веками. Толстая коса обвивает голову. Но фото старое, сейчас Вера Шурыгина наверняка выглядит по-другому.

Он поднялся и неторопливо двинулся к месту встречи.

.....

При первом взгляде на Веру Шурыгину Сергея Бабкина изумил контраст между ней и Ниной Забелиной. Бабкин не слишком задумывался о том, как влияет на внешность безбедная жизнь, в которой нет места заботам о хлебе насущном. Сейчас он поразился этой очевидной мысли.

Нина и Вера были ровесницами. Нина в свои сорок пять показалась ему женщиной без возраста. Ухоженная, подтянутая, с прекрасным цветом лица и легким загаром, какой бывает у людей, выезжающих на море в любое время года по первому желанию. Сергей назвал бы ее красоту естественной. Только сейчас до него дошло, что эта естественность в прямом смысле дорого обходится.

Вера выглядела как человек, лучшие годы которого остались позади. Мешковатые штаны, серый свитер, видимо, купленный на распродаже в отделе мужской одежды. Поредевшие темные волосы собраны в хвост. Обильную седину Вера не закрашивала.

Сергей поздоровался и присел за стол.

– Что вы будете, Вера?

– Чаю выпью, если угостите. – Она улыбнулась ему спокойно, без глупого кокетства. – С раннего утра на выездах, устала как вол.

– Конечно!

Он заказал чайник фруктового чая, который она выбрала, и кофе для себя. Поддавшись порыву, Сергей в последний момент спросил, не хочется ли ей сладкого.

Из застекленной витрины манили пирожные. Крошечные марципановые зверюшки и песочные «лодочки» с горкой свежих ягод; пухлые свежие профитролы; длинные меренги, вытянувшиеся на подносе, точно бледные купальщицы под солнцем... Пожалуй, он и сам съел бы парочку.

– Спасибо, воздержусь. Я слышала, к хорошему быстро привыкаешь. – Вера снова улыбнулась, будто извиняясь за свой отказ. – Боюсь подсесть с первой дозы. Скажите, чем я могу вам помочь? Появились новые сведения о Егоре?

По робкой надежде, мелькнувшей в ее глазах, Бабкин понял, что перед ним человек, всерьез переживающий о судьбе мальчика.

– Новых пока нет, – с сожалением сказал он. – Простите, я буду задавать те же вопросы, на которые вы, скорее всего, уже отвечали...

– Ничего-ничего, – перебила Вера. – Я все понимаю.

– Когда вы видели Егора в последний раз?

– В пятницу. Я заскочила к Забелиным после работы...

– Зачем?

Ему показалось, Вера смутилась.

– Просто посидеть у них, поболтать с Юрой. У нас так заведено. Раза два в неделю встречаемся, обсуждаем дела. Юра хотел поговорить со мной о Лене: не нужно ли добавить мальчику тренировки к его расписанию. Плавание, бассейн... Юра переживает, что он слабенький и часто болеет.

– А о другом сыне Юрий не хотел поговорить? – не удержался Сергей. – Или на Егоре поставлен крест?

Вера вздохнула.

– Насчет креста вы неправы. Но Егор ужасно упрямый, а Юра и подавно. Ни один не хочет идти навстречу.

– Каким Егор показался вам в пятницу?

– Мы почти не разговаривали. Леня вышел к нам в кухню, посидел минут пять. А Егор заперся у себя. Со мной еле поздоровался – так, буркнул что-то невразумительное. – Она отпила чай и даже зажмурилась от удовольствия. – Для Юры очень важна внешняя, ритуальная сторона общения. Например, выходишь из-за стола – скажи «спасибо». А Егор выскакивает и ломится как молодой конь. Он уже забыл, что поел! Ему не до спасибо! Разумеется, за этим следует скандал...

– Как вы считаете, почему сбежал Егор?

– Из-за отношений с отцом, – твердо ответила Вера. – Егор хотел проучить его. Но где он может скрываться, я ума не приложу. Он не сошелся ни с кем из одноклассников, у него нет подружки...

– А Таня Бортник?

Вера удивленно подняла брови:

– Впервые слышу. Нет, я знаю, они учатся в одном классе... Но Егор не выделяет эту девочку среди прочих. Я думала о даче в Красных Холмах, но ее уже проверили. Полгода назад он пытался ходить в секцию карате... Ему там не понравилось. Егор – очень свободолюбивый мальчик, муштра в любом виде его раздражает. Я предположила, что он успел завести приятеля

из тех, кто занимался вместе с ним. Но ваши коллеги вам наверняка рассказали, что это не подтвердилось.

Глядя, как она жадно пьет, Бабкин жестом попросил принести им еще один чайник.

– Вы много знаете о Егоре, – заметил он.

Она усмехнулась:

– Ну, все-таки столько лет рядом... Мальчишки растут на моих глазах. Они знают, что я их люблю и всегда приду на помощь.

– Нина платила вам за то, чтобы вы рассказывали ей, что происходит с ее детьми, и присматривали за ними? – без перехода спросил Сергей.

Вера подняла на него спокойный взгляд.

– Только за то, чтобы я держала ее в курсе. Я приглядываю за мальчиками по собственному желанию. Семья Забелиных для меня – родная. У меня никого нет ближе, чем они.

– Вы узнали об исчезновении Егора?.. – начал Бабкин.

– В субботу. Юра позвонил мне сразу, как только нашел записку. Решил, наверное, что Егор сбежал ко мне. Но Егор крепко обиделся после случая с татуировкой...

– Расскажите о татуировке подробнее, – попросил Сергей.

– Это силуэт лошади на левом предплечье, длиной сантиметров пять, не больше...

– Нет-нет! Почему Егор обиделся?

– Я поклялась, что никому не скажу о татуировке. А сама написала заявление в полицию.

– Вы нарушили обещание? – озадаченно спросил Сергей.

Ее лицо окаменело. Вера вскинула голову и уставилась на сыщика.

– Я медсестра, – отчеканила она. – Может, это прозвучит напыщенно, но я действительно беспокоюсь о здоровье людей. Вы бы видели, что эта дрянь сделала с Егором! Еще немного, и дело кончилось бы для него очень плохо!

– Подождите, какая дрянь?

Вера взяла себя в руки.

– Егор мечтал о татуировке, – объяснила она. – Он гулял и наткнулся на какой-то полупрофессиональный салон. Мастер едва не изувечила его! У него воспалилась рука, поднялась температура... Естественно, я написала заявление в полицию. На его месте мог оказаться любой ребенок. Страшно представить, какими инструментами она пользовалась! – Вера перевела дыхание. – Надеюсь, ее посадят. В любом случае, мы подали еще и гражданский иск, чтобы она выплатила все, что было потрачено на лечение Егора.

– Значит, мальчик не простил вам шумихи, – вслух подумал Сергей.

– На одной чаше весов был душевный комфорт Егора, на другой – безопасность клиентов этой татуировщицы. Здесь и думать не о чем. Вы со мной не согласны?

– Ну, все уже в прошлом, так что вряд ли это имеет значение, – ушел от ответа Сергей. – Когда это случилось?

– Четыре месяца назад. Мы много спорили из-за этого случая с Юрой и его мамой, – добавила она. – Они обвинили Егора во всех смертных грехах. Тамара вбила в голову, что он связался с какой-то преступной группировкой...

– А на самом деле?

Вера скорчила смешную гримасу и махнула рукой:

– Господи, какая группировка! Егору просто хотелось выглядеть взрослее. Он сам перепугался до слез, бедолага. Сто раз пожалел о своем решении, а признаться вслух не мог. Гордость не позволяла. Как представлю, что он терпел боль, глотал какую-то дрянь, которую налила ему эта жуткая баба, потом боялся, что все вскроется... У меня сердце разрывалось от жалости. Но Юра – суровый человек, он плохо умеет прощать. А ведь очень важно уметь прощать, особенно – детей, – задумчиво добавила она. – Знаете, по работе мне постоянно приходится иметь дело со стариками. Большинство из них в плачевном состоянии – я имею

в виду физически. Многие не способны обслуживать сами себя. Кто-то остался совсем один. Знаете, кому приходится хуже всех? Упрямам. Им очень трудно переучиваться, принимать чужую помощь... Они постоянно ждут подвоха. Хуже всего, что они перессорились со своими родными. Особенно мужчины этим страдают. Выдумывают несуществующие обиды почище женщин...

– На вас они тоже обижаются?

Вера улыбнулась.

– Редко. Но попадаются такие, которые любую помощницу в своем доме рассматривают как дармовую рабочую силу. И начинается: «Принеси пивка!» «Метнись на рынок, купи рыбки». Если сразу не обозначить границы, после отказа они превращаются в трамвайных хамов.

– А у женщин не так?

– Женщины любят закатывать истерики или обижаться... А еще выступать королевами драмы! Но даже в роли королев они не рассматривают меня как прислугу. А мужчины могут. Меня это не задевает, скорее, развлекает... Я давно научилась ставить их на место. Знаете, что забавно? На работе я умею быть невозмутимой, и мне даже не приходится прилагать для этого усилий. Переключаюсь в другой режим – и все. Но стоит мне пересечь порог собственной квартиры, переключатель ломается. Моя мать, прикованная к постели, парой слов может скомкать меня, как половую тряпку. – Ее невидящий взгляд был устремлен мимо Бабкина, в окно. – Почему так происходит? Я искала ответы у психологов, даже в эзотерику сунулась... Везде одна ерунда. Я умом вроде бы все понимаю, а все равно: она бросит что-нибудь злое – и меня корчит. Прямо как бесов у Пушкина. «Вот веревкой хочу море морщить да вас, проклятое племя, корчить». – Вера криво усмехнулась. – Иногда мне кажется, что некоторые из моих подопечных именно поэтому остались одни. Их дети просто не нашли другого выхода. Ты не можешь отступить на шаг или два, чтобы веревка провисла. Она или натянута, или разрезана... – Она перебила себя. – Я что-то о своем трещу, а вы меня не останавливаете! Извините! Вам это все ни к чему. У вас еще вопросы есть про Егора?

– Да, если вы не против.

– Запросто. Только отлучусь покурить на минутку.

Вера вышла. Сергей видел через окно ее сутулую фигуру в накиннутой на плечи куртке – такой же практичной и неказистой, как и остальная одежда.

Сергей подозвал официанта и спросил, нет ли у них горячей еды.

– Есть пицца, омлет, – перечислил молодой парень. – Сэндвичи с сыром и с курицей...

Бабкин заказал два омлета и пару сэндвичей. Шурыгина вернулась, пробралась на свое место. От нее пахло сигаретным дымом и осенней сыростью.

– На улице такой ветрище! – Она прижала ладони к щекам. – Господи, только бы Егор был в тепле и в безопасности!

Сквозь невозмутимость на миг проглянула снедающая ее тревога.

– Мы делаем все, чтобы его найти, – сказал Сергей.

Официант поставил перед ними закуски, и Вера вопросительно взглянула на сыщика.

– Проголодался, а один есть не люблю, – буркнул он. – Вы не составите мне компанию?

По тому, с каким аппетитом Вера набросилась на омлет, он понял, что она действительно не ела с самого утра. «Благодетель», – похвалил себя Бабкин. Им руководила не доброта, а простой расчет: сытый человек разговорчивее.

– Вера, вы не могли случайно проговориться Егору, что его мать жива?

На ее лице отразилось изумление, сменившееся гневом.

– Его мать? – недоверчиво переспросила она.

– Я имел в виду – все эти годы только вы знали, что ваша подруга не погибла...

Вера молчала, глядя на него. Под этим взглядом Бабкину стало не по себе.

– Нина оставила двоих детей ради... ради штанов, – она запинаясь от ярости. – Объясняла, что у нее вселенская любовь! Что это за любовь, ради которой женщина бросает собственных сыновей и меняет свое лицо! Я десять лет живу рядом с этими мальчиками... Они удивительные! Да, с ними бывает сложно, как с любимыми детьми. Но другая каждый день благодарила бы бога за такой подарок! А Нина... Она просто успокаивала свою совесть, когда нанимала меня наушничать. И не называйте ее моей подругой! Я не желаю иметь такого человека в друзьях!

Все, что говорила Вера, совпадало с тем, что думал и сам Сергей. Но странное дело – сейчас, когда он слушал ее гневную речь, ему невольно захотелось встать на защиту Нины.

– Ей было трудно, – сказал он. – Муж не помогал, она уставала...

– Трудно – потерпи! – отрезала Вера, и это прозвучало как девиз всей ее жизни. – Оставалось каких-то три года до школы! Мальчишки пошли бы учиться, и стало бы легче!

Бабкин вспомнил слова Нины: «Я сбежала не от своих детей, я сбежала от своей жизни».

– Да, она мне платит. – Вера говорила с тихой злостью. – Вы знаете, сколько стоят памперсы? А сиделка? Но я не сдала родную мать в дом престарелых, хотя могла сделать это тысячу раз! Почему я не упорхнула от безумной старухи в лучшую жизнь, а Нина от своих тягот – упорхнула?

«Потому что вы хороший человек с повышенным чувством ответственности», – мог бы ответить Сергей. Но ей не требовались его сочувствие и дешевые формулы утешения.

– Если с Егором что-то случится, это будет только ее вина! Юра – замечательный человек, я безмерно уважаю его, но ему сложно быть отцом. Он тащит на себе всю семью. Работает не покладая рук. Если бы рядом с ним был преданный человек, ему было бы легче...

Она осеклась и порозовела.

«А вот и ответ на вопрос, почему ты так привязана к семье Забелиных», – сказал себе Сергей.

– Вера, на даче у Егора не было друзей? – спросил он.

– Нет, никого. Тамара купила дом в очень неудачном месте: хотела сэкономить. Несколько участков отделены от деревни узким оврагом. Один из этих участков – забелинский. Остальные заброшены, кроме одного: их соседа слева. Он живет там как отшельник. Может, давно умер, не знаю... Раньше к этим участкам вела грунтовая дорога, но лет восемь назад овраг пополз и перерезал ее. Теперь на машине к участку не подъехать, приходится бросать ее и идти через овраг пешком. Мальчиков возили на дачу только в детстве. После исчезновения Нины они были там всего несколько раз, много лет назад. Тамара собирается продавать этот дом.

– А в школе?

– У него нормальные отношения с одноклассниками, но дружбы Егор ни с кем не завел. Правда, ни с кем и не ссорился...

– А мне говорили о драке с каким-то мальчиком, которому Егор выбил зуб...

Вера пренебрежительно отмахнулась:

– Во-первых, это было сто лет назад, во-вторых, мальчик его сам провоцировал. А в-третьих, зуб был молочный и шатался. Подумаешь, мальчишки сцепились! Я бы не стала на вашем месте придавать этому значения.

– У Юрия есть друзья?

– Ну-у... есть коллеги и приятели... Но я не уверена, что их можно назвать друзьями. А что?

– Просто прикинул: а не мог ли Егор укрыться у кого-то из взрослых, знакомых с его семьей? Есть такие люди?

Вера задумалась.

– Я знаю, что у Юры было два друга, – сказала она наконец. – Но они очень давно не общаются.

– Почему?

– Тамара упоминала, что между ними произошла ссора... Но мельком, без подробностей. Вам лучше спросить у Юры.

– Егор и Леня знают этих друзей?

– Кажется, да... – Вера совсем растерялась.

Бабкин видел, что она не понимает, чего он от нее хочет, и боится навредить своему ненаглядному Юре.

– Но вы правда думаете, что Егор мог бы спрятаться у кого-то из них, и за столько времени тот не позвонил бы его отцу?

– Ну, люди на многое способны, – обтекаемо ответил Сергей.

.....

Бывших друзей Юрия Забелина звали Роман Мордовин и Павел Колодаев. Бабкину пришлось выбивать из Забелина эти имена. Юрий категорично заявил, что Егор не может быть ни у того, ни у другого. «Он и адресов-то их не знает!» Когда Сергей задал прямой вопрос о причинах размолвки, Забелин начал юлить. Сначала врал, что давно позабыл, из-за чего была ссора. Затем сообразил, что роль папаши, потерявшего сына, дает кое-какие преференции, и исполнил арию «Как вы смеете давить на меня, когда я вне себя от горя». От фальши у Бабкина скулы свело.

Он действительно старался проникнуться к Забелину симпатией. Брошенный муж, переживший потерю жены, растящий двоих сыновей... Ему было за что уважать Юрия. Но тот изо всех сил мешал Сергею. Сначала бормотал, что все трое надрались, вышла пьяная ссора... Затем – что причина в женщине, он не хотел бы называть ее имени... Честь дамы, видите ли, под угрозой!

Что за детский лепет!

Своим тупым враньем Забелин добился эффекта, противоположного ожидаемому. Бабкин, который спрашивал о причине ссоры лишь для того, чтобы понять, может ли разозлившийся бывший приятель Юрия придержать у себя его сына, утвердился в мысли, что здесь что-то нечисто.

Он поставил зарубку: вернуться к этому позже. Записал адреса Мордовина и Колодаева и с облегчением закончил разговор. Черт! Какой вязкий мужик – точно гудрон!

Любопытно, как выглядят друзья этого зануды.

Но сначала его ждали Красные Холмы.

.....

Вера поняла, что частный сыщик догадался о ее влюбленности в Юрия. Ей стало и неловко, и неприятно. Этот огромный бритоголовый человек со взглядом профессионального убийцы был к ней расположен. Вера умела определять такие вещи. Если тесно работаешь с людьми, рано или поздно вырабатывается чутье особого рода.

Сыщик угостил ее обедом. Придумал нелепый предлог, чтобы она не смущалась... Это растрогало Веру. Его поведение выдавало в нем человека, привыкшего заботиться о слабых. «Старший брат в большой семье, – предположила она. – Или отец нескольких детей».

Он мог счесть, что все эти годы она заботилась о мальчиках только потому, что влюбилась в их отца. А это неправда.

В свое время Юрий ей даже не нравился. Вера пыталась отговорить подругу от замужества, но переубедить нужно было не Нину, а ее маму. Несмотря на мягкий характер, за некоторые безумные идеи Людмила Ивановна держалась крепко. Одной из таких была фантазия, будто Юрий обеспечит счастье дочери, когда ее не станет. О своей болезни она знала давно. Иногда Вере казалось, будто Людмила Ивановна тщится что-то противопоставить близкой смерти. Что может уравновесить смерть лучше, чем новая жизнь?

А значит, Нина должна выйти замуж.

«Еще успею погулять на вашей свадьбе, – повторяла она. – Может, и до внуков доживу».

Внуки, внуки, внуки... Людмила роняла расхожие фразы о топоте маленьких ножек, и глаза ее наполнялись слезами.

«Ты у меня воздушная девочка!» Ее не смущало, что воздушная девочка – плюшка с короткими ножками. Казалось, она боится, что после ее смерти Нину ничто не удержит на земле и та улетит за облака, как воздушный шарик. А за облаками холодно. Там не место ее маленькой теплой дочери.

Несмотря на кулинарные ассоциации, которые Нина вызывала у Веры, она понимала, что пытается сказать ее мать. В ее подруге была удивительная легкость. Несчастливая затюканная Вера рядом с Ниной чувствовала себя так, будто в стене ее тюрьмы пробили форточку.

Юрий Забелин был земным. Людмила решила, что это как раз то, что спасет ее дочь. Она увидела Юрия состоявшим из одних достоинств: серьезный, ответственный, со здравым, практичным подходом к жизни. Кто вьется вокруг ее дочери? Художники и музыканты. Очаровательные веселые юнцы, спору нет. Однако Нине нужен не мальчик, а мужчина. «Санитарный инспектор», – это даже звучало весомо.

И Людмила задавила Нину своей предсмертной волей. Нина обожала мать и верила ей во всем – поверила и в правильность ее выбора.

Долгие годы Вера считала, что ее подруга совершила чудовищную ошибку. «Кирпич, – пренебрежительно думала она о Юрии. – С кирпичом и правда далеко не улетишь».

Но Нине все-таки удалось.

После того как Вера узнала правду, каждая встреча с брошенным мужем вызывала в ней мучительный стыд – целых два года стыда. Нина сделала ее своей сообщницей. Вера давно призналась бы ему во всем, если бы не взятка, которой Нина прочно запечатала ей уста. Ежемесячные поступления спасали Веру. Она покупала уход для матери и несколько часов свободы для себя.

Иногда она с отчаянием думала: как хорошо было бы стать богатой! Вот бы иметь хоть чуть-чуть своих денег!.. Не жалкой зарплатой, которой даже не хватало, чтобы содержать их с матерью, а нормальных денег! Вся мерзость, в которой выпачкала ее Нина, отвалилась бы, как сухая грязь, как короста.

Но откуда могло взяться богатство у такой, как она? Для удачного замужества нужна красота, а Вера не была хороша собой даже в юности. О карьере и говорить смешно. Вместо трех старух обихаживать семерых – вот весь ее карьерный взлет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.